

радость жизни

НАТАЛЬЯ
АРОНОВА

Душенька

У меня много имен,
Сейчас меня называют Евой,
в свидетельстве о рождении
я записана Евдокией,
мама всегда звала Дусей...
Но мужчины, любившие
меня, звали Душенькой.

Наталья Аронова Душенька

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590465
Душенька: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-47371-7*

Аннотация

Кто-то ест, молится и любит. Это легко тому, кому судьба сдала на руки козырные карты. Еве, которую все называют Душенькой, приходится добиваться всего самой. Как долг путь от крохотного провинциального городка до блистательного Парижа? Как глубока пропасть между стеснительной толстой девочкой и уверенной красавицей, стоящей на ступеньках «Ритца»?

Душеньке только предстоит узнать это, а пока она учится, наверное, самому главному – радоваться жизни и делать ее немного солнечней, уютнее и теплее.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталья Аронова

Душенька

Глава 1

АМЕТИСТОВЫЙ ПОЖАР

У меня много имен.

Сейчас меня называют Евой, в свидетельстве о рождении я записана Евдокией, мама всегда звала Дусей, в школе дразнили Дунькой. Сегодня модно давать детям старинные русские имена, и никто не станет изводить насмешками Акулину, Фрола, Ульяну. Мое же детство прошло в окружении Карин и Снежан, ох и намучилась же я со своим имечком!

Но мужчины, любившие меня, звали меня Душенькой: именно это слово шептали они мне под утро, щекоча дыханием шею, именно его повторяли на крике в самые сокровенные мгновения и этим именем горестно окликали меня, когда я уходила.

Душенька – значит, душа. Душа – самое главное и самое ценное, что может быть у человека. Но вот, скажем, моя школьная учительница биологии и химии имела о душе весьма своеобразное представление. В ответ на каверзный вопрос учеников она, не задумываясь ни на минуту, ответила следующее:

– В Великобритании врачи провели эксперимент – взвесили человеческое тело до и после смерти. И им удалось установить, что умершее человеческое тело теряет в весе одиннадцать граммов. Эксперимент проводился на различных людях, однако цифра в одиннадцать граммов оставалась неизменной. Значит, это и была душа.

Произнеся эту ахинею, химичка торжествующе оглядела класс: вернемся, мол, к теме урока. Больше ни слова сказано не было – очевидно, в представлении нашей учительницы единственная функция души сводилась к тому, чтобы весить одиннадцать граммов и покидать тело после смерти. Мне же было, помнится, не по себе, и мучил меня один вопрос: неужели английские ученые были столь жестокосердны, что взвешивали умирающего человека хладнокровно, не пытаясь ему как-то помочь? Представлялись мне огромные металлические весы – как те, что стояли в кабинете участкового терапевта районной поликлиники, на них – кашляющий, скукожившийся от озноба больной, рядом люди в белых халатах, с лицами, закрытыми марлевыми масками, смотрящие на него отстраненно и безжалостно. Руками, затянутыми в резиновые перчатки, передвигают они по шкале блестящие гири и следят за больным: жив ли он еще?

Это был кошмар моего детства и юности – весы.

А потом к ним прибавилась еще и химичка.

Быть может, этой истории вообще не было бы, если бы не химичка. Она пришла к нам в восьмом классе, а зачем пришла – непонятно. Вчерашняя выпускница университета, победительница конкурса красоты «Мисс Поволжье», подруга, как говорили, состоятельного человека, она могла бы вообще не работать. Но ей, как я сейчас понимаю, просто хотелось поиграть в эмансипированную даму, которая не сидит на шее у бойфренда, а сама работает и зарабатывает. Ее делано скромная кружевная блузка стоила не меньше пяти учительских зарплат, аккуратные черные лодочки – семь, итальянская сумочка – десять. Она носила очки в строгой оправе, но без диоптрий. Дав классу задание, она садилась за свой стол и доставала из пакета толстый глянцевый журнал. Дорогая бумага издавала нежный шелковистый шелест. На мерцающих разворотах красовались девы в последней стадии истощения, умопомрачительно одетые. Любое из этих платьев могло бы подойти химичке Светлане Вале-

рьевне, и ни одно – мне. Светлана Валерьевна могла бы сравнить себя с любой из этих девиц, а я...

Однажды на выданные мне матерью деньги я купила такой журнал. Он был самым дорогим в киоске, и он оказался целой бочкой дегтя, в которой для меня была припасена одна только капля меда – пробник французских духов. Совсем в тоненькой пробирочке, гордившейся, кажется, своей миниатюрностью. Я сразу же надушилась ими, густо-сладкими, дразняще-томными, и в этот день тонко вырезанные ноздри Светланы Валерьевны по-особенному вздрагивали – она принюхивалась ко мне, толстой девочке на первой парте, пытаюсь понять и осмыслить происхождение этого аромата.

Журнал я сожгла за домом. Глянцевая бумага горела плохо. Я шевелила ее палочкой, присев на корточки, вдыхая запах гари, сырой осенней земли и французских духов, и думала: кто виноват? Кто виноват, что я такая толстуха? Мать говорит, что не могла взять меня на руки с тех пор, как мне исполнилось три года, в школе меня дразнят из-за полноты, из-за странного имени, одежду мне покупают в отделах для взрослых... И тогда я в первый, но далеко не в последний раз в своей жизни приняла решение – похудеть.

Похудеть и стать стройной, как модели в журнале. С завтрашнего дня.

А завтра у нас были пирожки.

Вообще, пирожки у нас бывали каждый день. Это наш семейный бизнес – палатка на местном вещевом рынке. Каждый день моя мать пекла пирожки, за ними заезжал мой брат на машине, вез их, тепленькие, на рынок, а там их продавала Дана, бойкая жена брата. Иногда по пути брат подбрасывал меня в школу. Противни с пирожками лежали на заднем сиденье и одуряюще пахли. Пока ехали, я мимодумно съедала один-другой пирожок и парочку брала с собой, чтобы перекусить на перемене.

И вот в тот памятный день пирожки были с ливером, их я любила больше всего. А позавтракала-то я чашкой чая, и даже без сахара. Пирожки наполняли салон автомобиля восхитительным ароматом, который сам по себе уже казался сытным. Рот у меня наполнился слюной, челюсти свело.

– Дуська, ты чего? У тебя живот болит, что ли? – забеспокоился брат, заметив выражение моего лица.

– Все нормально, – ответила я.

Но к большой перемене муки голода стали невыносимыми. Правда, в сумке у меня лежали два яблока, и я даже погрызла одно. Яблоко было невозможно кислое, и я поплелась в столовую. Там отроду не водилось таких вкусных пирожков с ливером, как у нас, но всегда можно было схомячить какую-нибудь булочку и выпить сладкого чаю.

Путь мой лежал по школьному коридору мимо учительской. Дверь была полуоткрыта, и я невольно замедлила шаг, услышав оттуда голос и смех Светланы Валерьевны. Она говорила с кем-то из учителей, но с кем, я понять не могла, потому что Светлана Валерьевна была не из тех, кто любит слушать. О нет, она предпочитала говорить сама!

– И о чем они только думают? – вещала она с непередаваемым апломбом. – Мальчишкам я многое извиняю, потому что все мальчишки плохо учатся. Моего мужа в свое время даже из школы исключали за двойки, а посмотрите, чего он достиг! Но девочки-то что себе думают? Допустим... – Она сделала нервное, нетерпеливое какое-то движение рукой, будто пытаюсь отмахнуться от назойливой мухи. – Допустим, красивая девочка может умишко не напрягать, она и так не пропадет в жизни. Но если в смысле внешности ничего из себя не представляешь – так берись за ум и учись как следует! Голова плохо варит – зубри! Вот эта ваша Звонарева, она же тупица, и химию не знает, и учить ничего не хочет, и страшненькая к тому же!

Меня бросило в жар, я хотела уйти, но ноги словно приросли к линолеуму. Я стояла и слушала, как неизвестный собеседник Светланы Валерьевны возразил ей, но она только повысила голос:

– Да что ж – личико! Это пока ей четырнадцать лет, у нее личико, а года через два-три этого личика незаметно будет за горой жира. Девочке, если она не больна, преступно относиться к себе подобным образом, это же распушенность, безволие! Мне неприятно даже смотреть на нее! Что ей светит в жизни с таким характером и фигурой?

Все же я нашла в себе силы сдвинуться с места, но в столовую уже не пошла. Аппетит у меня куда-то пропал. Впрочем, я все же сгрызла яблоко, но уже чисто машинально. Меня не удивило то, что я не нравлюсь Светлане Валерьевне – я не раз ловила на себе ее презрительный взгляд. Но я думала, что она не любит меня за то, что я не учу ее предмет. Мне и в голову не могло прийти, что моя внешность может внушить отвращение! Противно грязное – но я никогда не была грязной, наоборот, такой любительницы чистоты еще поискать, я каждый день плещусь в ванне по часу. Я одеваюсь, пожалуй, лучше других девочек, потому что весь вещевой рынок нам знаком и матери продают порой одежду по закупочной цене. Правда, одежда у меня не молодежная, а женская, молодежной-то на мой размер не найти. У меня красивые волосы, светло-русые, с рыжиной. Если заплести косу, то она почти достигает поясицы, но я делаю другую прическу – с помощью бархатной заколки собираю свою шевелюру в высокий хвост. В конце концов, у меня действительно красивые золотистые глаза, все девчонки говорят. Все они завидуют моей ровной коже, ведь им приходится замазывать прыщи тональным кремом. Но хуже всего то, что отношение Светланы Валерьевны может сказаться на мне не самым лучшим образом – в кулинарный техникум, куда я собираюсь поступать после школы, нужно сдавать именно химию...

От несправедливой обиды у меня слезы навернулись на глаза, и я зажмурилась.

– Ты что это тут слезами капаешь?

В этом закутке между библиотекой и подсобкой редко кто бывал. Мне нравилось иногда забредать на пару минут в это ничем не примечательное место, где я почему-то чувствовала себя защищенной, могла отгородиться от всего остального мира. Именно сюда я прибежала пережить внезапно нанесенную мне обиду, и здесь меня нашел Игорь Маутер, надменный блондин из 10 «Б», голубоглазый ангел, слывший самой большой опасностью для юной девушки во всем районе.

И вот он, этот недостижимый красавчик, достает из кармана что-то – я плохо вижу сквозь туман слез, что именно, – делает шаг ко мне и прикасается к моему подбородку прохладными пальцами. Такое я видела только в кино. Он поднимает мое лицо за подбородок к свету и вытирает мне слезы своим носовым платком, вытирает с нажимом, а потом смотрит на платок и усмехается:

– Надо же, не накрашена. А я все время смотрел и думал: неужели у тебя свои такие ресницы?

Остатки влаги испаряются из глаз. Он на меня смотрел? Все время? Он что-то там обо мне думал, о моих ресницах? Это кажется невероятным.

Его лицо снова приближается, и он проводит платком, от которого пахнет чистотой и утюгом, по моей щеке.

– И румянец настоящий, – говорит он негромко. Мне кажется, что он меня сейчас поцелует, и я зажмуриваюсь от страха и восторга.

Но Игорь только треплет меня по плечу.

– Обидел кто?

Я трясую головой.

– Я так понимаю – это значит нет. Ну, если кто обидит – ты сразу ко мне. Поняла? Все, мне пора.

Он повернулся и ушел. Шаги его постепенно затерялись в гуле школьного коридора. А я стояла и слушала, как колотится мое сердце, словно пытается вырваться из груди. Внезапно спазм в животе заставил меня согнуться. Я уже знала эту боль – месячные у меня начались год назад, но были все еще нерегулярными.

В тот теплый осенний день многое для меня изменилось. Мы пекли с матерью пирожки на завтра – с ливером, с капустой, с яблочным повидлом.

И мне не хотелось есть. В меня словно вселился какой-то новый дух – в таком состоянии девочки пишут стихи, а я... Я сочинила новую начинку для пирожков – гречневая каша с мелко порубленным соленым огурцом и поджаренным луком. Мать смотрела на меня недоуменно, пока я проделывала все кулинарные манипуляции, но ни слова не сказала. А пирожки в тот раз удались особенно, тесто подошло на диво. Сочиненная мною начинка таяла во рту – три вкуса, непохожие и все-таки друг друга дополняющие, слились и образовали новый, необычайный. Это был вкус уюта, домашнего тепла, вкус уверенности в завтрашнем дне.

– Давно заметила: с каким настроением берешься за выпечку, так она и получится, – сказала мне мама. – А твоя начинка хороша. На грибы похоже. И быстро, и вкусно, и недорого получается. Жаль, не пойдут у нас такие пироги.

– Почему? – огорчилась я.

– Люди не поймут. Ну ты сама подумай, что мы напишем на ценнике? Пирожки с гречневой кашей, соленым огурцом и луком?

Мама была права. Весной как-то нам привезли два ведра черемухи, и мы пытались делать с ней пирожки, но они не пошли. Чуть терпковатый, вяжущий вкус оказался неповторимым и невостребованным. К нововведениям на рынке относились осторожно. Любили проверенную, простую еду – мясо, картошку. Впрочем, что может быть проще гречневой каши и соленого огурца?

– А может, ничего не писать на ценнике? – осторожно спросила я.

– Вот тебе раз, как же ничего не писать? – засмеялась мама. – Купи то, не знаю что?

– Можно просто: пирожки фирменные.

– Выдумщица ты, Дуся... Ну ладно, давай попробуем, убытку большого не будет...

В тот день я, кажется, первый раз в жизни забыла поужинать.

Наверное, с того дня во мне стали исподволь происходить перемены, которых я сначала не замечала – отказывалась замечать, привыкнув к своему неказистому, в общем-то, облику. Нет, я не стала стройной, как лань. Но я начала быстро ходить, меня словно несли какие-то крылья, незримые постороннему глазу, и мои подружки смеялись:

– Дунька, за тобой не угонишься!

То ли от ходьбы, то ли из-за того, что теперь я частенько забывала поесть, у меня появилась талия, и спина приобрела соблазнительный прогиб. Ноги немного усохли, теперь это были уже не колонны равномерной толщины по всей длине, а настоящие женские ножки, с тонкими щиколотками, округлыми коленями, налитыми бедрами.

Правда, по контрасту со стройными ногами и тонкой талией мои ягодицы стали казаться еще более выдающимися.

– Вот это корма! – кричали мне порой вслед.

Я рассматривала себя в ванной комнате. Зеркало было маленькое, мутное. Изгибаясь, как змея, я убедилась – слово «корма» действительно подходит этой части моего обильного тела. К тому же моя задница покачивалась при ходьбе совершенно независимо от моего желания, как корма корабля, плавно преодолевающего волны. В общем, вела себя совершенно непристойно.

Гораздо больше мне нравилась грудь. Она выросла как-то внезапно и доставляла мне немало хлопот – болела, ныла, наливаясь горячей тяжестью, из-за этого стало трудно спать

на животе и пришлось купить новый лифчик. Но и он скоро стал маловат. Когда я раздевалась, чтобы принять ванну, и расстегивала замочек, мои груди выпрыгивала из тесных кружевных чашек, словно мячики. Я трогала их – кожа была словно атласная, туго натянутая, и стоило прикоснуться, как розовые соски делались яркими и крупными, как вишни-сороки, а в животе начинали порхать бабочки.

Я проводила в ванной комнате много времени, разглядывая и изучая свое новое тело, но мама не удивлялась – знала, что дочь любит принимать ванну, плещется, как утка... И конечно, она догадывалась о происходящих со мной переменах, потому что, вздыхая и невесть чему усмехаясь, ушила в поясе мою школьную форменную юбку...

Но в школе, казалось, ничего не замечали. Я не стала популярней среди одноклассников, и Игорь больше не подходил ко мне, даже не смотрел в мою сторону. Я знала это совершенно точно, потому что сама бегала за ним, как собачонка, – разумеется, стараясь делать это незаметно. Но я ходила на стадион, где он с другими парнями играл в футбол, и просиживала там, на покосившейся трибуне, часами, делая вид, что увлечена игрой. Я зачастила в книжный магазинчик, который располагался против дома Игоря, и проводила там много времени, словно выбирая и рассматривая детективы в призывных обложках. Иной раз продавщицы начинали присматриваться ко мне слишком уж подозрительно, может быть, думали, что я ворую. Тогда приходилось менять дислокацию и перебираться в кафе-мороженое – напротив Игорева подъезда. Там-то я и увидела его с девушкой, и с какой!

То есть сначала я увидела маленький, но очень яркий, лакированно-красный автомобильчик. Он лихо затормозил у тротуара, исторгая звуки залихватской песенки. Дверь распахнулась, и из машины вышел Игорь, но не ушел, а обогнул автомобиль и открыл вторую дверцу. Сначала я увидела тонкую ногу в красно-блестящей, как автомобиль, туфельке. А потом девушка показалась целиком, словно вынырнув из мягкого, наполненного музыкой салона. У нее были коротко стриженные черные волосы и короткое черное платье, облегающее идеально стройную фигурку. Она показалась мне очень взрослой, хотя ей было вряд ли больше девятнадцати лет. На бледном лице выделялись подкрашенные красной помадой губы. Мне стало сначала жарко, потом холодно до озноба, но в этом ознобе неповинен был шарик пломбира в стеклянной вазочке – я к нему даже не притронулась. Девушка взяла Игоря за руку и поцеловала прямо своими ужасно красными губами около рта.

Была уже зима, прохожие несли елки. Я шла домой, и ноги у меня вязли в мокром снегу. Я чувствовала себя неповоротливой, толстой, глупой и очень несчастной. В ярко освещенной витрине я вдруг увидела свое лицо – круглое, розовое, и глаза круглые, как пуговицы. Вздернутый нос, висящие из-под вязаного колпачка пряди волос... Куда мне тягаться с леди на красном автомобиле! Никогда мне не стать такой, как она!

Мои отношения с Игорем с самого начала были похожи на американские горки – за горестным падением следовал головокружительный взлет. Он позвонил мне в тот же вечер.

– Откуда ты взял мой телефон? – спросила я. Это, кажется, прозвучало глупо – все же мы учились в одной школе, и номер моего телефона не мог быть секретной информацией.

– Посмотрел в классном журнале... Уже давно.

Он молчал, и я вдруг поняла, что сегодня не только я его видела, но и он меня. Но как? Я ведь сидела за зеркальным стеклом кафе. Впрочем, кажется, став невольной свидетельницей поцелуя, я вскочила и, не помня себя, выбежала на улицу. Вполне возможно, что просвистела как раз мимо этой парочки и Игорь заметил меня.

Молчание тяготило меня, и я сказала:

– А я тебя видела сегодня. Машина хорошая.

– Она называется «Фольксваген-жук». Правда, смешно?

– Смешно, – согласилась я, накручивая на палец телефонный провод. – Очень даже.

– Она дочь знакомого моего отца. Студентка. У меня с ней ничего нет.

- С машиной? – делано удивилась я.
- Seriously. Она мне даже не нравится.
- А чего тогда ты с ней целовался?
- Это она меня поцеловала. В шутку.
- Смешно, – повторила я. – Смешная шутка.

Игорь занервничал.

- А что это ты меня допрашиваешь?

– Я тебя допрашиваю? Я только про машину сказала, а про девушку ты сам рассказывать начал.

Наверное, он понял, что я права, потому что замолчал, и мы помолчали вместе некоторое время. А потом он сказал:

- Хочешь встречать Новый год со мной?

Разумеется, я хотела этого больше всего на свете. Но я еще ни разу не встречала Новый год вне дома и не знала, как мама отнесется к этому. Да и что я ей скажу?

- Даже не знаю, – честно сказала я.

– Давай, будет весело. Я пока не знаю, что и как. Но если ты согласишься, живо спланирую.

Я обещала подумать.

Но много думать не пришлось. Через пару дней приехал брат и принес хорошую новость – он станет отцом, Дана беременна. Правда, она не очень хорошо себя чувствует, у нее токсикоз, так что на Новый год они хотят побыть дома. Если мы хотим, можем приехать к ним. Но мама сказала:

– Лучше встретьте праздник вдвоем. В таком положении никакие гости не радуют, даже те, что приходят со своей едой и моют за собой посуду. А мы дома побудем, правда, Дуся? Или, хочешь, поезжай одна к Семену, а я встречу Новый год у тети Веры.

Тетя Вера была приятельница матери. Они вместе работали в детском саду, еще до сокращения.

И тут у меня появился план. Я рассчитывала уговорить маму отпустить меня в гости, якобы к однокласснице. Чтобы мама не волновалась, я могла бы звонить ей раз в час, даже каждые полчаса. Наврать с три короба... Но мама опередила меня. Все складывалось лучше, чем я могла бы себе представить.

– А хочешь, пригласи к себе девчонок, – вдруг сказала она, повернувшись ко мне. Я накрою вам стол. Повеселитесь с подружками, покушаете, потанцуете. Хотя, наверное, все будут встречать Новый год со своими семьями...

- Нет-нет, – перебила я ее. – Ты очень хорошо придумала, мамочка!

Проблема была в одном – в школе у меня не было подруг. До шестого класса я дружила с Миррой, тихой еврейской девочкой в больших очках, сильно увеличивающих ее и без того огромные глаза. Но ее родители переехали в другой район, в центре города, Мирра сменила школу, и нашей дружбе пришел конец. Правда, у меня были хорошие отношения со всеми девочками в классе, вдруг кто-то захочет прийти?

Я бросилась к телефону и обзвонила всех одноклассниц. Как и следовало ожидать, у многих уже были свои планы: кто-то встречал Новый год с родными, кто-то уже нашел себе компанию... Но трое согласились сразу и с радостью – Карина Симонова, Лена Белецкая и еще одна Лена, Крайнова. Последняя попросила разрешения прихватить с собой брата. Так что все устраивалось как нельзя лучше. Игорь будет не единственным парнем среди девчонок. Кстати, он с восторгом согласился встретить праздник у меня. Что-то разладилось в той компании, куда он хотел меня пригласить. Мне бы еще тогда насторожиться, но я была занята более насущным вопросом – что надеть?

До сих пор я обращала мало внимания на свой гардероб. Надевала в основном то, что мне покупала мама. На меня было сложно подобрать одежду, потому что в моем размере все платья были слишком солидные, больше подходящие женщинам за тридцать. В школе у нас была форма – синяя юбка в складку, белая блузка и жилет. Вне школы я носила неизменные джинсы и трикотажные свитерки. Но ведь на праздновании Нового года нужно выглядеть нарядно, разве не так?

Мы с мамой покрутились по базару, но ничего подходящего не нашли. Мама силой заставила меня примерить розовую блузку, всю в дурацких кружавчиках и блестках.

– Наденешь с джинсиками и будешь самая нарядная...

Но я наотрез отказалась от этой красоты.

– Пораньше бы спохватились, – горевала мать. – Можно было бы купить ткань и к портнихе сходить. Теперь-то что уж...

Я уже свыклась с мыслью, что не быть мне нарядной в новогоднюю ночь, и смирилась с этим. Но судьба распорядилась иначе. Двадцать восьмого декабря, когда я пришла домой с оценками за полугодие (по химии у меня оказалась тройка, как я и думала), мама встретила меня загадочной улыбкой:

– Иди-ка, полюбуйся, что тебе Дед Мороз принес...

– До Нового года еще три дня, – прикинулась я дурочкой.

Но в моей комнате на кровати лежало такое... У меня в зобу дыхание сперло, как у той вороны из басни.

Это было не платье и не костюм, а комбинезон из необыкновенной ткани темно-лилового цвета, мягко струящейся, матово-мерцающей.

– Ой, мамочка, – повторяла я, растерявшись. – Откуда это?

– Да ты примерь, может, еще и не впору...

Если бы наряд оказался мне не впору, я бы, может быть, с ума сошла. Но он был словно на меня сшит. Верх комбинезона оказался корсажем, застегивающимся на два десятка мельчайших крючков. Жесткий верх корсажа приподнимал грудь, полуобнаженную глубоким треугольным вырезом. Низ комбинезона представлял собой роскошные шальвары, стянутые резинками повыше щиколоток. В общем, наряд был экзотичный, экстравагантный, в провинции тех лет немыслимый.

– Но откуда? – не переставала удивляться я. На минуту у меня промелькнула сентиментальная мысль, что это подарок от отца. Отец с матерью разошлись лет десять назад, и мы даже не знали, где он живет, чем занимается. Изредка от него приходили переводы.

Увы, в происхождении неожиданного подарка не было тайны. Какая-то знакомая тети Веры заказала себе наряд по каталогу из Швеции, но не учла разницы между шведским размером и нашим. Присланный комбинезон оказался ей безнадежно велик. Не решившись связываться с обратной пересылкой, она решила продать его – подозреваю, что ушлая торговка еще и руки нагрела на этой операции.

– Это же, наверное, очень дорогая вещь? – спросила я у мамы.

Лишних денег в нашей маленькой семье не водилось, хотя мы и не бедствовали.

– Носи на здоровье, – коротко ответила моя дорогая мамочка. – Вон ты какая стала... Как с обложки журнала...

Комбинезон действительно очень шел мне, оттененная лиловой тканью, моя кожа засияла по-новому.

– Можешь взять мои аметистовые сережки, они сюда подойдут, – сказала мама, и я взвизгнула от счастья. – Только смотри, Дуся. Ежели приспичит – тебе эти крючочки быстро ни за что не расстегнуть. Так что контролируй себя и все дела делай загодя. А то оконфузишься, поняла?

Я кивнула, несколько обескураженная таким поворотом дела.

Не зря мама обратила на это внимание – двадцать мельчайших тугих крючков, застегнуть и расстегнуть которые можно было только при наличии недюжинной сноровки.

– Не хуже, чем у людей, – повторяла мама, накрывая на стол. Для нас тогда было очень важно – принять гостей как следует, накормить до отвала, чтобы душа ни в чем не знала отказа. Ох уж это русское гостеприимство – радоваться, если гости съели все, что имеется в доме! Через несколько лет, в другой стране, мне придется присутствовать на приеме, где из угощения будут только канapé с анчоусами и кусочки сыра, да и то официант удивится, когда я решусь взять один.

Но это все еще впереди, а пока я изо всех сил помогаю – режу салат «Оливье», в рецептуре которого кулинар Оливье не признал бы своего творения; чищу селедку; перекладываю в вазочку из банки салат «Осенний», про который мама всегда говорит:

– Подать не стыдно, съедят – не жалко.

Мы так увлеклись, что забыли о времени. Мне всегда нравилось готовить, нравился красиво накрытый стол, тонкие тарелки, тяжелые столовые приборы... Но ведь и о себе надо подумать! Прозвенел звонок, и я, ойкнув, убежала в свою комнату переодеваться. Мама осталась встречать гостей. Пришла Лена Белецкая со своим братом, невысоким, застенчивым парнем. Он произвел хорошее впечатление на маму, которая боялась чужака в нашей девичьей компании. У брата и сестры Белецких была с собой бутылка шампанского.

– Я надеюсь, больше спиртного не будет? – с намеком спросила мама.

Я открыла рот, чтобы ответить, но за меня ответила Лена:

– Ну, что вы, тетя Оль! Это же только для того, чтобы в потолок хлопнуть, когда куранты пробьют. А так мы не пьем, нам своей дури хватает, – бойко заявила она.

– Ну-ну, – неопределенно отозвалась мать и стала поспешно собираться. Впрочем, суетилась она только для вида, на самом деле, как могла, оттягивала свой уход – ей, как я поняла, интересно было взглянуть на Игоря. Она сразу поняла, что брат Лены Белецкой, Вадим, – герой не моего романа. Вместе с мамой мы встретили Карину, а Крайнова позвонила и сказала, что не придет – планы изменились. И мама дотянула-таки до появления Игоря, а явился он триумфально! Я побежала открывать, но вместо Игоря увидела Деда Мороза с белой бородой, в красном пуховике и с мешком.

– Кто в нарядной теплой шубе, с длинной белой бородой в Новый год приходит в гости, и румяный, и седой? – спросил он с порога, и я засмеялась, пряча за спину руки – ногти у меня были обкусаны, а в кожу, пока я готовила национальное русское блюдо «Селедка под шубой», вьелся темно-лиловый свекольный сок. – Как ты вела себя, Душенька? Хорошо кушала?

– Хорошо, – пролепетала я, и все засмеялись – и мама, и девчонки, и я сама. Впервые в жизни мне необиден был намек на мою полноту.

– Какая ты умница! Дедушка Мороз даст тебе подарок!

И Игорь достал из мешка мягкую игрушку – розового зайца.

– Знакомься, это Плюша! Плюша – это Душенька!

Это был первый подарок, сделанный мне мужчиной, даже не мужчиной, а мальчиком. У зайца была бессмысленная физиономия, сделан он был кустарно... Сколько подарков от мужчин я получила с тех пор, и все же этот Плюша до сих пор со мной. Я таскала Плюшу по разным городам и странам, он порядком истрепался, потерял шикарный красный бант, состарился, но мудрости не обрел, и сейчас, когда я пишу это, розовый заяц сидит на столе и смотрит на меня глупыми глазами-пуговицами.

Остальным девчонкам тоже достались маленькие подарочки, а маме Игорь так лихо поцеловал руку, что она совсем растаяла и ушла-таки наконец!

Разумеется, Ленка Белецкая покривила душой, сказав, что на столе у нас будет одна только бутылка шампанского. Бутылки было две, а у Игоря оказалась в мешке еще и плоская фляжка коньяка. Мы уселись за стол, чтобы проводить старый год.

Праздник удался – застенчивый Вадим оказался мастером рассказывать анекдоты, Ленка с Кариной забавно танцевали под номера новогоднего концерта – они занимались в танцевальной студии, а Игорь не выпускал мою руку из своей. Он почти не ел, не считая того, что пожирал меня глазами. У меня же на нервной почве проснулся жуткий аппетит, и я глотала все подряд. Я стеснялась своего обжорства, не подозревая об истинных чувствах Игоря. Мне еще нужно было набраться опыта, чтобы понять, что вид женщины, которая красиво и жадно, ярким и чувственным ртом поглощает пищу, на некоторых мужчин действует неотразимо. Быть может, так проявляется древнее, древней культуры и диетических соображений, желание...

К трем часам мы остались вдвоем – Ленка с братом ушли домой, Карина заснула в моей комнате. Белецкая, уходя, подмигнула мне и заговорщицки прошептала:

– Ну, веселой вам ночи... Ты о себе-то позаботилась?

Я была наивна, как молодая репка, и только глазами хлопала.

– Ладно уж, держи, сюрприз тебе, – прошептала она и сунула в мою вспотевшую от волнения ладонь какой-то конвертик.

Я отлучилась в ванную и там как следует рассмотрела «сюрприз». Это был презерватив в яркой упаковке, украшенной изображением девицы, на которой из одежды были только малюсенькие трусики. Девица была тощей, как щепка, и я затосковала. Наглый взгляд модельной девицы как бы говорил: «Эх, Дунька, Дунька, на что ты рассчитываешь? Неужели в самом деле на то, что тобой заинтересуется такой красивый и популярный парень, как Игорь? Ты видела брюнетку на красной машине? То-то!»

Девушка с картинки немного напоминала ту студентку, только была блондинкой. Расстроившись, я спрятала конвертик в шкафчик с туалетными принадлежностями и вернулась в комнату.

Игорь подготовился основательно – погасил свет и убавил звук у телевизора. Он даже зажег свечу – сувенирную, пылившуюся у нас за стеклом стенки. Да, и еще он пересел на диван.

У Игоря были все замашки провинциального ловеласа – в частности, он был уверен, что достаточно зажечь свечу, налить бокал шампанского и подуть девушке в шейку, чтобы она растаяла и упала в его объятия. Но свечи не затрагивали романтических струнок в моей душе, от шампанского начиналась икота, а когда он дул мне в шею, было щекотно, и только. Зато мне очень понравилось целоваться – его твердые губы, льнущие к моим, вызывали во всем теле удивительные ощущения, я как будто лежала в ванне, наполненной теплым нарзаном, и пузырьки щекотали тончайшие нервные окончания. От поцелуев он, видимо, собирался перейти к дальнейшим действиям, но не выгорело – в своем праздничном наряде я была как зачарованная принцесса в аметистовой крепости.

Снова и снова Игорь бросался на приступ, но все было безнадежно, он даже не понял, где находятся застегки, хитро скрытые планкой, а я не собиралась помогать ему. Наши поцелуи длились долго и становились все мучительнее, все горячее, злее, острее.

В какой-то момент мы устали и немного вздремнули, не размыкая губ. Я проснулась от того, что горячие ладони Игоря скользили по моему телу, обтянутому аметистовым шелком, как ладьи по морским волнам.

Наша безнадежная любовная схватка закончилась, он понял, что штурмом меня не взять, что тут нужна долгая и искусная осада, теперь он пытался получить максимум удовольствия от того, что ему было доступно. Он нежно исследовал мою грудь, давно покинув-

шую тесный плен корсажа, и уделил немало внимания набухшим соскам, его руки находили такие изгибы моего тела, о существовании которых я и сама не подозревала.

Но все это было немного не то, мне было этого мало. Я слегка развела плотно сомкнутые колени, и его ладонь скользнула между ними и легла там так уютно, словно попала в надежное убежище.

Рука его не лежала спокойно, она вздрагивала и трепетала, и вдруг что-то во мне стало вздрагивать и трепетать в такт этой настойчивой руке. Пальцы Игоря нащупали какой-то очень чувствительный бугорок, который под его прикосновениями вырос и налился горячей влагой. Мне показалось, что промокли и трусики, и нарядный комбинезон, и стало неловко за эту неожиданную реакцию моего организма.

Но застыдиться окончательно я не успела. Какая-то дрожь прошла по позвоночнику, все суставы вдруг стали, как вода, а внутри меня зародилась необыкновенно сладостная вспышка – она была повсюду: в животе, в голове, в губах, к которым прижимались мужские губы, под крепко сомкнутыми веками, в темноте. Она ослепляла меня и приносила наслаждение, почти до боли острое, так что я не сдержалась и громко вскрикнула неожиданным для себя самым низким голосом.

Очнувшись, я увидела лицо Игоря – он смотрел на меня с веселым удивлением.

– Ну, ты вообще, – сказал он мне и, легко поднявшись, перебросил через меня свое сухое, тренированное тело. – Это у тебя всегда так?

Я только начала приходить в себя, поэтому ответила, не стесняясь:

– Впервые...

Он только головой покачал и ушел в ванную.

Я тоже встала, начала прибирать со стола. Скоро должна была вернуться мама. Встала Карина, вышла в гостиную сонная, с размазавшейся косметикой.

– Тут кричал кто-то? Я слышала...

– Это по телевизору, – успокоила я ее.

Мне казалось, что мама, когда вернется, все сразу поймет по моим глазам – она же всегда говорила, что я ничего не могу скрыть, что она на лбу у меня читает... Но она ничего не поняла. «Да и что, собственно, случилось?» – размышляла я, лежа в постели вечером первого января, который, как всегда, наступил очень рано.

В моем теле еще жил отзвук пережитого, губы горели, суставы ломило. Конечно же, я не могла не задуматься над тем, что принесло мне такое удовольствие. Он положил руку так и вот так потрогал... Фланель, из которой была сшита моя пижама, была толще шелка, она словно приглушала остроту прикосновений, и от того, должно быть, наслаждение, обрушившееся на меня, было не таким нестерпимым, как в первый раз.

Хотя я все равно не удержалась и вскрикнула низким голосом. Но мама ничего не услышала – она спала, утомленная бессонной ночью, проведенной в гостях. А спустя несколько секунд крепко спала и я.

* * *

Нужно сказать, что опыт, который я пережила с Игорем, я считаю в какой-то степени бесценным. Сейчас мне кажется необыкновенным, что в те времена девочка могла сохранить такую наивность и даже, пожалуй, чистоту, дожив до пятнадцати лет. Разумеется, я, как и все мои сверстницы, была осведомлена больше, чем нужно, и прекрасно знала о сути сексуальных отношений между мужчиной и женщиной. Но тут стоит заметить, что в восприятии ребенка, подростка физическая любовь – всего лишь набор определенных действий, иногда постыдных, иногда смешных, которые выполняют люди, чтобы убедиться в том, что при-

надлежат к миру взрослых. Слово «оргазм» я уже слышала не раз, но с трудом представляла себе, что это означает.

К тому же любая девочка, даже воспитанная в самом либеральном по отношению к вопросам пола обществе, подсознательно воспринимает секс прежде всего как насилие, как то, чего следует бояться. Среди моих знакомых девчонок уже были такие, кто «уронил свой цветочек», выражаясь языком галантного века, и все они говорили об этом, не упоминая об удовольствии. Для всех физическая любовь была связана с болью дефлорации, риском быть застуканной родителями, опасностью «залететь».

Поразмыслив над этим как следует, я пришла в восторг. Я чувствовала себя ловким воришкой, этакой мышкой, выкравшей из мышеловки лакомый кусочек сыра и сумевшей улизнуть прежде, чем мышеловка захлопнется. Многие мышки до меня пролили тут кровь, но я оказалась самой ловкой, получившей к тому же сладостную награду!

Разумеется, я не остановилась на достигнутом, продолжая совершенствовать и закреплять полученный навык. Ослабляя и усиливая нажим, сопровождая трение легкими толчками, мне удавалось отодвигать, продлевать и усиливать наслаждение, играть с ним, как бывалый серфер играет с волнами. Я узнавала свое тело, и тело платило мне благодарностью, становясь еще более чувствительным, еще более отзывчивым на ласку.

С Игорем мне больше не удавалось остаться наедине, хотя он регулярно провожал меня из школы, водил в кафе и даже один раз – на концерт заезжей звезды. Там, на концерте, мы долго целовались, в очень шумном, пронизанном лучами стробоскопов зале, и продолжили это занятие в моем подъезде, на верхнем техническом этаже, куда редко кто ходил.

Там было тепло, пахло кошками и застоявшимся сигаретным дымом. Игорь снял куртку и постелил ее на подоконник. Я села и предложила Игорю сесть рядом со мной, но он отказался и так удачно встал, что оказался между моими ногами. Я почувствовала, какие сильные и мускулистые у него бедра. Непроизвольно я сжала его ногами – как говорят наездники, взяла в шенкеля.

Он правильно истолковал это произвольное движение – крепость выбросила белый флаг и сдавалась на милость победителя.

Руки у него были такие горячие, что жгли меня через одежду. Внизу то и дело раздавались шаги, слышались звонки, звуки открываемых дверей, голоса... На время мы замирали, готовые разомкнуть объятия и отпрянуть друг от друга, если бы кому-нибудь пришло в голову подняться в наше убежище. Правда, на этом этаже никто не жил, но сюда мог бы зайти кто-то из соседей – например, одинокая библиотечкарьша Изольда в поисках сбежавшей кошки Муренки или старый хрыч Анатолий, злостный курильщик дешевых сигарет. Но шаги стихали, и мы снова сливались в поцелуях, от которых у меня уже болели губы... Это снова была схватка, но на этот раз мы с Игорем сражались на одной стороне, побеждая неловкость ситуации, неудобства подъезда, собственную скованность и, прежде всего, мою одежду. Сообща победили оба сапога – их было непросто стащить из-за узких голенищ, облежавших мои крепкие ножки, как перчатки. С колготками Игорь справился самостоятельно, а я украдкой стащила и спрятала в карман трусики – мне стыдно было, что они насквозь промокли.

Раньше я думала, что любовью можно заниматься только лежа, и лихорадочно придумывала, что предпринять – не стелить же куртку Игоря на затоптанный пол? Но мой возлюбленный был немного опытней меня, и по его действиям я поняла, что мне незачем слезать с подоконника. Он положил руку именно туда, где все ждало прикосновения, и я подалась навстречу этим ласкающим пальцам и вскрикнула от вспышки, ослепительно просиявшей в сырой темноте подъезда, а вслед за этим ощутила резкую, короткую боль...

Но испытать наслаждение этого свидания мне пришлось в одиночестве. Игорь отстранился от меня и моментально привел в порядок свой костюм, да и я скорей инстинктивно,

чем осознанно, одернула длинную юбку, натянув ее на голые ноги. В голове у меня промелькнула молниеносная мысль – как хорошо, что я надела именно юбку, ведь будь на мне джинсы, я бы не успела их натянуть и оказалась бы в смешном, постыдном положении.

Конечно же, это был наш сосед Анатолий, малахольный и противный мужичок, который всю жизнь по-отечески дразнил меня, приговаривая:

– Лопай-лопай, равный морду с попой!

Или:

– Эх ты, Душка-плюшка, пухлая подушка, ходит – колыхается, бежит – задыхается!

Анатолий был принаряжен ради субботнего вечера – в китайский ярко-красный спортивный костюм – и слегка пьян.

– О-о, а я-то думаю, кто здесь, – гаденько захихикал он. – А тут Душка с кавалером воркует. Молодой человек, а закурить не найдется?

«Что ж ты, старый хрыч, без сигарет, что ли, курить сюда поднимался?» – чесался у меня язык сказать, но я промолчала. Из протянутой Игорем пачки «Мальборо» Анатолий взял две сигареты и одну закурил, а другую спрятал за ухо.

– Милуетесь, значит, голубки? Дело-то молодое. Каждая жива душа себе парочку ищет. Вот Ваське-то моему тоже девчонку надо. Нет у тебя, Душка, подруги какой на примете? Только чтоб хорошая была девушка, без глупостей! Васька-то у меня парень справный, видный, и деньгу зашибает...

Я промямлила что-то неопределенное. Сына Анатолия Ваську я, разумеется, хорошо знала. Это и в самом деле был видный парень. У него было идеально правильное лицо, чистая девичья кожа, ярко-синие глаза и желтые ангельские кудри. Он был высокий и широкоплечий и нашел бы себе девушку без чьей-либо посторонней помощи, если бы не одно обстоятельство – Василий был малоумный.

Он смог проучиться в школе только до восьмого класса, но за все это время никто не мог припомнить ни одного случая, чтобы Василий отвечал у доски. Когда его вызывали, он опускал голову, хлопал длинными ресницами, потом заливался жарким румянцем и сообщал:

– Учил... Забыл...

Если же в классе проводились письменные работы, он сдавал тетради, исписанные невероятными каракулями, или просто чистые листы. Впрочем, обладал способностью быстро производить в уме сложные математические действия.

Но он был тихий мальчик, который никогда не буйствовал, как другие, порой и унимал расхаживавших оболтусов-однокашников, был хорош, как ангел, и незаменим в хозяйственных работах – с удовольствием чинил расшатавшиеся парты и дверные замки, вбивал гвозди и вставлял стекла. За эти полезные качества его тянули на тройках, тем более что это было в интересах учителей. К восьмому классу стало ясно, что Василий не просто отъявленный лодырь, что его глупость носит патологический характер. Ваську показали доктору, который и констатировал легкую степень умственной отсталости.

– Да как же он освоил школьную программу? – все дивился доктор.

Окружающие помалкивали и, чтобы не сделать скандала, быстро спланировали Ваську в ПТУ. Но учиться дальше он не захотел и пошел работать в автосервис. У Василия были золотые руки, и вскоре он уже хорошо получал, обеспечивая своих не особо престарелых родителей – мать, всю жизнь проработавшую воспитательницей в детском саду, и отца, этого самого Анатолия, который работать вообще не любил, а любил залить за воротник. Кстати, недаром Анатолий завел речь про Ваську. Однажды тот помог мне донести до машины тяжелый противень с пирожками, и с тех пор я замечала, что он с меня глаз не сводит и при редких встречах на лестнице заливается таким огненным румянцем, что жалко смотреть.

Впрочем, сейчас мне стоило жалеть не Ваську, а себя. Анатолий не уходил, смотрел на нас, прищуриваясь от дыма докуренной до пенька сигаретки. У Игоря давно выровнялось дыхание, он даже насвистывать что-то стал, а у меня ужасно мерзли голые ноги под юбкой, и к тому же я чувствовала влагу между бедер и боялась испачкать куртку своего кавалера. Но всему на свете приходит конец, кончились и наши мучения. Анатолий ушел, хлопнула внизу дверь, и мы остались одни. Посмотрели друг на друга и рассмеялись. Чудесным образом этот смех сблизил нас полнее, чем самое совершенное слияние.

– Ты не замерзла?

– Чуть-чуть. Где мои колготки?

– У меня в кармане. Вот, держи. Когда полез за сигаретами, чуть их не вытянул.

Я быстро привела себя в порядок, пока Игорь деликатно смотрел в темное окно.

– Можем идти.

– Подожди. – Он притянул меня к себе за плечи и поцеловал с нажимом, так, что я почувствовала острый холодок его зубов. – Мы... ну... Душенька, ты понимаешь...

Я понимала, о чем он говорит, но прикидывалась дурочкой – мне хотелось пококетничать. Уже тогда я понимала, что женщине не стоит с излишней прямоотой говорить о физической стороне любви.

– Не знаю, – сказала я ему шепотом. – Но мне было хорошо.

Дома, раздеваясь в ванной, я обнаружила пару капель крови на своих трусиках.

С невинностью было покончено.

* * *

Той зимой я всерьез увлеклась кулинарией.

Мне и раньше нравилось готовить, но я стеснялась этого пристрастия, полагая его слишком приземленным и мещанским. Как ни странно, и мама не одобряла моего хобби, показывала свои руки – всегда очень чистые, с коротко остриженными ногтями, но потерявшие форму, с туго натянутой от воды кожей, с многочисленными метинками от порезов и ожогов.

– Вот она, кухня проклятая, что с женскими руками делает. Хочешь поступать в свой кулинарный – поступай, я против твоего желания не пойду. В конце концов, тебе жить, тебе решать. Но уж только ты поступай на официантку, там подать-сервировать. У официантки и работа чистая, и одежда приглядистая, и сама вертится на виду, глядишь, понравишься какому-нибудь посетителю из холостых... А так проторчишь на кухне за кастрюлями, света белого не видя, всю свою жизнь, а в благодарность – только изуродованные руки да толстая задница!

Бедная мама! Мне совершенно не светило всю жизнь бегать с подносами, ухаживая за толстобрюхами, мне хотелось иметь дело только с едой, подчинять ее себе, смешивать вкусы так, чтобы рождались новые, прекрасные, удивлять людей и удивляться самой. Приготовление еды было для меня творчеством, созиданием – как для иных написание стихов или сочинение музыки.

У меня были пристрастия. Я терпеть не могла готовить гарниры. Вспоминался детский сад, пригоревшая пшенка на завтрак, макароны, толстые и белесые, как перекрученные бельевые веревки, на обед. К ним давали крошечную котлетку, больше чем на две трети состоявшую из хлеба, или тощую сосиску, так что мясное блюдо, если его можно было так называть, превращалось в гарнир, а гарнир – в основное блюдо. А между тем, «гарнир» с французского переводится как «дополнение» или даже «украшение». Те же макароны ничего собой украсить не могли.

С картошкой я могла смириться: картошку, эту вечную пищу бедняков, мы раньше ели почти каждый день, я научилась ее готовить не хуже, чем повариха Тося из старого фильма: «Картошка жареная, отварная, пюре. Дальше: картофель фри, картофель-пай. Картофельные пирожки с мясом, с грибами, с капустой и так далее. Картофельные оладьи, соус грибной, соус томатный, соус сметанный и так далее. Картофельный рулет, запеканка, картофель, тушенный с черносливом, картофель, тушенный с лавровым листом и с перцем, картофель молодой отварной с укропом. Шаники!»

Я любила овощи – крупную дробь зеленого горошка, добротность стручковой фасоли, наивность крепеньких репок, язвительную едкость редьки, багряную свеклу, охристый всполох моркови, сусальное золото луковиц. Мне нравился снежный скрип молодой белокочанной капусты и кокетливые завитки брокколи. Дородные тыквы и кабачки внушали мне трепет. К помидорам, огурцам и редису я относилась, как к добрым соседям, привычны мне были и петрушка с укропом, а вот с базиликом и эстрагоном я была на «вы». Меня восхищали свежая острота тархуна и изменчивый, сладкий сначала, потом горьковатый вкус любистока, травы, способной пробудить в человеке любовь. Ее так и звали у нас – любим-травка.

Ревень и брюква манили неизвестностью.

А ведь были еще и совершенно невообразимые – шпинат, батат, спаржа, и абсолютно непостижимые, но оттого еще более вожделенные артишоки.

Овощи были дешевы и представляли собой отличный полигон для оттачивания поварских навыков. Продавцы на рынке уже знали меня в лицо. Мне было приятно их доброе отношение, хотя причины его я не могла постичь – почему светлеют лица у пожилых крестьянок, в чьи морщинки плотно въелась земля? Почему восточные люди прикрывают свои древние, темные глаза блестящими веками, кланяясь мне? Почему разбитные девахи, все как одна крашенные в блондинку, помогают мне сложить покупки в пакет и улыбаются почти застенчиво? Больше всех любил меня пасечник, нестарый еще, но грузный и одышливый мужчина, у которого я покупала порой, стыдясь своей бедности, прямоугольный брусочек сот, источающий янтарный мед. Это было мое любимое лакомство, и пасечник всегда давал мне кусочек побольше, а взять денег норовил как за самый маленький. Именно он сказал мне однажды:

– Свет в тебе особый, девушка, земной свет.

Наверное, этот особый свет и объяснял непонятную благосклонность продавцов – они никогда не обсчитывали и не обвешивали меня, не продавали гнилой товар за хороший. Но я еще была слишком молода и решила, что просто примелькалась на рынке.

Мне нравилось готовить плов. Аромат хорошего плова может даже во сне присниться.

Откуда он, из какого баснословного Самарканда тянется золотистой ниточкой-струйкой, какой ковер-самолет его приносит, какая скатерть-самобранка дарует?

Да полноте, ничего сверхсложного-то и нет. Просто нужно знать несколько маленьких секретов... За тонкое дело приготовления настоящего плова нужно приниматься в приятном ожидании. Лучше всего кого-то ждать в гости – родню, друзей, милого. Идти за припасами на рынок необходимо с утра – этого, можно сказать, требует рецепт! И сначала, конечно, в мясные ряды, а то все хорошее мясо раскупят. Немного свежей баранины, лучше молодой. Найти ее трудно, но можно. Потом кладете в корзинку (да, на рынок, за ингредиентами для плова, я обычно ходила с плетеной корзинкой, чтобы в конце всех закупок из нее весело выглядывал хохолок подружки-петрушки) немного моркови, чуть пахнувшей землей, сочной до оранжевой капельки на изломе. Компанию моркови составит золотой десант репчатого лука, лучше некрупного, но плотного, да еще сладкий перчик, да надутый от гордости за свою неслыханную спелость помидор.

И вот что важно. Покупать все необходимое для плова лучше у восточных людей, загадочно совмещающих в себе бойкую торговую жилку и неспешное достоинство.

– А тебе что, красавица моя? – смотрит на меня высокий темноволосый торговец, и в черных глазах его не видно дна. – Тебе с походцем!

Я кивала и улыбалась ему, и он, родственник, быть может, Ходжи Насреддина или самого обладателя волшебной лампы, улыбался тоже. Только совсем по-другому – таинственно, будто ведомо ему какое-то таинство, часть которого он безмолвно передает вместе с товаром мне.

Теперь скорее домой – готовить плов!

Я нарезала небольшими кусочками мясо и обжаривала их, стругала морковь и лук, пускала в кипящем жире лепестки вяленых помидоров, заготовленные с осени. Хорошо промытый рис впитывал в себя полную ароматов и пряностей влагу и важно пыхтел в чугунке. Барбарис плавился от нежности. В темном оконном стекле я видела свое отражение – зимняя ночь делала меня жгучей брюнеткой, восточной красавицей в ожидании султана.

Я угощала Игоря прямо на кухне. Мы ели из одной тарелки огненный плов, и я рассказывала ему об услышанном недавно в какой-то телевизионной передаче – раньше на Востоке о богатстве человека судили по степени засаленности его халата. Плов ели руками, и жирные пальцы вытирали о себя, прямо о грудь.

– О свою я не стану, а о твою хоть сейчас готов, – грубовато шутил Игорь и косился в вырез моего халатика.

– А еще восточная мудрость гласит: «Если у тебя есть деньги, ты ешь плов, если у тебя их нет, то ешь только плов!»

Мы пили чай – я научилась печь овсяное печенье с имбирем, сбрызгивала его душистым медом. А потом мы уединялись в моей комнате. Той зимой мама много времени проводила в ларьке на базаре. Беременность у Даны, моей невестки, оказалась тяжелая, ей приходилось много лежать, и она не могла больше продавать пирожки. Зато изготовление пирожков мама со спокойной душой переложила на меня. Я пекла пирожки с вареньем и курагой, с ливером и капустой, и свои фирменные – с яблоками и корицей. К вечеру от усталости у меня мутился разум и ныло все тело, но когда Игорь целовал меня в щеку и говорил: «Твоя щека на вкус, как яблочко», – я чувствовала себя отдохнувшей и свежей, как после теплого душа.

Потом он целовал меня в ушко и шептал:

– А тут ты пахнешь корицей...

Его губы спускались по моей шее, и я ежилась от щекотки, когда он произносил:

– Шея – ванилью... А грудь – шафраном...

Он прикивал губами к животу, и я забывала о своей застенчивости, меня пронзало желание.

– Твой живот на вкус, как имбирь... Он сладкий и жгучий...

Он проникал в меня и прикивал ко мне – и я ждала его последних слов:

– Губы твои медовые, Душенька...

И тогда во мне поднималось наслаждение темной, густой медовой волной.

Весной, когда овощи, долежавшие до этой поры, стали дорогими и невкусными, а новые еще не появились, я увлеклась рыбой.

Нет, я не про замороженные тушки, сложенные на прилавках, как полешки. Морскую рыбу нужно готовить и есть, когда она только что поймана, а эта, прошедшая через добрый пяток заморозок, уже не имеет ни вкуса, ни запаха, только слабый йодистый запахок... Дары моря я научусь готовить много позже, а пока я чищу окуней на уху и бранюсь сквозь зубы – я исколола все руки об их иглы, да к тому же мельчайшая чешуя летит во все стороны, усеивая пол, прилипая к стенам, запутываясь в моих волосах. В окунях обнаруживается масса икры, и я, подумав немного, кладу ее туда же, в кастрюлю. Уха получается янтарная от жира, терпкая, вкусная до полного забвения – с ломтиком лимона и петрушкой... Но самая лучшая

уха получается, конечно, из ершей, хотя чистить ершей еще труднее, чем окуней. Если зазеваешься и уколешь палец ершиной колючкой, боль, пронизав в первое мгновение всю руку, долго еще будет напоминать о себе после. Зато мясо этих колючих рыбок – белоснежное, и раз уж ты когда-то пробовал королевских, то есть невероятно крупных, с ладонь величиной, ершей, ершей ершовичей, то обязательно будешь искать их снова.

А лещи? Огромные, как жостовские подносы, с красными прожилками на чешуе – их нужно жарить, и непременно в сухарях, чтобы наслаждаться потом хрусткой румяной корочкой, с которой капает пьянящий сок. А налим? Недаром барин из чеховского рассказа так упорно ловил под кустом аршинного налима – за любовь к этой рыбе, единственной, кстати, речной рыбе из отряда тресковых, я получила пятерку по литературе. Уж очень мне понравился этот рассказ, а еще больше – заливное из налима. Налим любит холодную и чистую воду, поэтому и вкус у него тоже чистый, холодный, без привкуса тины... С сомом я опростоволосилась сначала. Положила его хвост, а по-местному говоря, плес, на сковородку, прикрыла крышкой и побежала к телефону, который давно звонил, да руки у меня были заняты. Поговорила с Игорем, а когда вернулась на кухню и подняла крышку, то сома на сковородке не обнаружила – только лужу жира и в ней скукоженную шкурку. В другой раз нам с матерью принесли большого живого сома. Он лежал в раковине и не засыпал. Мы пустили его в ванну, и он стал там плавать, а мы смотрели на него.

– Ударь его по голове молотком, – посоветовала мне мать.

– Сама ударь! Или ножом зарежь!

Мне было жалко сома. Он был такой гордый и сильный – даже заточенный в эмалированные стены ванны.

– Жалко, что у нас нет пистолета. Мы могли бы его застрелить, – сказала мама. – Но раз пистолета нет, давай попросим кого-нибудь из соседских мужиков его оглушить.

Мама пошла по соседям просить помощи, а я присела на край ванны. Сом плавал кругами, и я подумала: может, взять его в сумку, отнести к реке и выпустить? Но не успела осуществить свой план – вернулась мать, привела с собой соседского Ваську. Тот был выходной и спал дома. Увидев меня, так и вытаращился – я не ждала гостей и была в старом халатике, на котором не хватало пуговиц. Все так же не сводя с меня глаз, Васька оглушил рыбу и выбросил в подставленный матерью таз. Из этого сома мы приготовили пирожки на продажу и кулебяку для нас. Но я наотрез отказалась идти к Ваське, чтобы угощать его кулебякой.

Со шукой тоже вышел конфуз – я мечтала приготовить фаршированную рыбу по-еврейски, но рецепт оказался слишком сложен для меня. Мне не удалось снять с рыбы пятнистую кожу, не повредив ее, и пришлось нажарить из готового уже фарша котлеток. В тот вечер Игорь звал меня русалкой, потому что руки мои пахли тинной, а в волосах застряли серебряные чешуйки.

Глава 2

МОРСКОЙ ОРКЕСТР

Наступила весна, я сдавала выпускные экзамены. Зубрила химию до полного отупения, но все же чувствовала, что Светлана Валерьевна меня завалит – она в последние пару месяцев что-то уж слишком злобствовала.

– Что ж, – говорила мне мать. – Если не сдашь химию – пойдешь официанткой. Ну, или продавцом-кассиром. Там химию не надо сдавать.

Я помню, было утро, предвещавшее длинный и жаркий день, наполненный светом, восторженными криками птиц, одуряющим запахом зацветающей сирени – день, который мне суждено было провести, согнувшись в три погибели над письменным столом, задыхаясь в тесноте комнаты и подставляя лицо под маленький настольный вентилятор! Вот этим чудесным утром мне захотелось приготовить рубец. Это такая требуха, часть говяжьего желудка, его хорошо готовила моя бабушка, когда мы жили еще в деревне. Рубец, приготовленный в русской печке, был необыкновенно вкусным. Взрослые ели его с горчицей, а мне не давали, считалось, что горчица вредна детям. Вот бы сейчас попробовать!

Вдохновленная, я быстренько собралась – наскоро заплела волосы в косу, надела старенький сарафанчик в васильках, который был мне тесен и короток, схватила авоську и побежала. Нужно было торопиться, чтобы застать утреннее рыночное изобилие.

Рубец я нашла у тетки Любани. Это была самая халдистая бабка на всем сельском рынке – тощая, злая, как оса, с двумя бородавками возле носа. Она была сама приветливость, когда залучала к себе покупателей, но стоило им отойти от ее прилавка, чтобы купить мясо у других продавцов, она обрушивала на их головы самые страшные проклятия, перемежая их неповторимыми народными оборотами. Кроме того, она была жуликовата, норовила продать старое мясо за молодое, размороженное – за парное и была непревзойденным асом обвеса. Сейчас она морочила голову какому-то мужчине в белом льняном костюме.

– Смотри, милый, какая она справная, упитанная, – заливалась тетка Любаня, тетешкая на руках куриную тушку, как ненаглядного внука. – Это тебе не бройлер, который света божьего не видал! Самая сельская курочка! На вольном воздухе росла, чистое зерно клевала, родниковую водичку пила. Экологически чистый продукт. Бери, всегда ко мне приходишь будешь. В магазинах-то все синие да квелые, а моя курочка так жирком и переливается, уж так я ее пестовала. Любимица моя была, рябушка!

На самом же деле любимица-рябушка, о которой торговка повествовала едва ли не со слезой в голосе, была залежалым товаром, перекупленным своей хозяйкой у государственных продавцов. Пройдоха Любаня и в самом деле пестовала своих давно упокоившихся с миром питомиц. Она вымачивала их в соде, чтобы избавить тушки от мертвенной синевы и отбить специфический душок, натирала морковным соком для придания приятного желтоватого оттенка и надувала сквозь разрезы через трубочку, чтобы курочка округлилась и окончательно похорошела.

Меня тетка Любаня ни разу не пыталась обмануть, да я и редко что-то покупала у нее, как она ни зазывала – не могла победить отвращения. Но на этот раз уж очень хорош был рубец, лежащий перед ней на прилавке. Я могла бы и не вмешиваться в процесс обведения вокруг пальца наивного покупателя, но неожиданно услышала собственный голос, настаивательно произносящий:

– Эта курица никуда не годится. Ты, тетка Любаня, дай человеку настоящую, хорошую птицу.

– А эта чем плоха? – удивился человек в белом костюме.

– Вот именно – чем плоха? – окрысилась на меня Любаня, но тут же демонстративно швырнула несчастную птичку обратно на прилавок и отвернулась. Простофиля-покупатель, видимо, решил не выяснять ненужных ему подробностей, но отходить от прилавка не торопился, смотрел на меня с интересом.

– Чего тебе, Дуняшка? – с некоторой досадой, но все же приветливо спросила меня Любаня. – Рубец? Бери, хороший, правду говорю.

Я расплатилась, уложила рубец в сумку и пошла к выходу. Мужчина последовал за мной.

– Так чем же плоха была та курица? – спросил он, словно ни к кому конкретно не обращаясь.

– Уверены, что хотите это знать?

– Н-нет... Но на будущее...

– На будущее мой совет: сожмите тушку в руках. Если она пружинит, как футбольный мяч, значит, продавец надул ее воздухом.

– Как воздухом?

– Да вот так же. Как футбольный мяч, говорю же вам.

– Но зачем? Куры продаются на вес, от этой пластической операции она не станет тяжелее.

– Тяжелее не станет, станет красивей. Кура, нуждающаяся в таком прихорашивании, не лучшего качества. К тому же таких желтых кур не бывает.

– Не бывает? – повторил за мной простофиля.

Он уже начинал меня раздражать, хотя мне и лестно было, что меня, девчонку в коротком сарафанчике, внимательно и покорно слушает такой большой и взрослый мужчина.

– Они же синие. Или белые. Ну, или слегка желтоватые. Тетка Любаня моет кур содой и красит морковным соком, и это еще не так плохо. Здесь есть одна продавщица, которая вымачивает их в «Белизне» и красит апельсиновым «Инвайтом».

– А что такое «Белизна»?

– Это хлорный отбеливатель. Что такое «Инвайт», знаете?

– Знаю.

– Вот и хорошо. Есть еще вопросы?

Мы уже стояли у дверей рынка, нас толкали прохожие.

– Есть, – сказал мой собеседник. Глаза у него были серые, веселые. Он не улыбался, только чуть подрагивал угол жесткого мужского рта. – Что вы собираетесь делать со своей покупкой? Оно такое ужасное. Похоже на заплесневелое вафельное полотенце.

– Это рубец. Выглядит и в самом деле не очень, но если вымыть, очистить, сварить и обжарить с луком – получится очень вкусно. Вы извините, я тороплюсь.

Я сделала шаг на улицу. Жар майского дня навалился на меня, как огромная пуховая перина.

– А может быть, вместо всех этих манипуляций – вымыть, очистить, сварить и зажарить с луком – вы сходите со мной в ресторан поужинать?

Тут мне надо было уходить, уходить молча, уходить не оглядываясь, но тот день, видимо, был днем невозможных поступков и нечаянно произнесенных слов, потому что я сказала:

– Вы ведь даже не знаете, как меня зовут.

– Ну, я и так сегодня узнал очень много нового. И про кур, и про рубец. Пока информации достаточно. Так вы согласны? Тогда сегодня, в восемь вечера, у фонтана.

И указал жестом в сторону площади, где бил фонтан, окутанный тончайшей водяной пылью. Он был, как оазис в пустыне, под ним плескались чумазы цыганята, а над ним

нестерпимо сияла радуга. И, засмотревшись на нее, я не успела заметить, как незнакомец ушел, растворился в жарком мареве.

Разумеется, я не собиралась никуда идти, тем более в ресторан, тем более – с незнакомым мне мужчиной. Я готовила рубец и одновременно зубрила ненавистные химические формулы. Но все чаще и чаще посматривала на часы. Часы у нас на кухне были забавные – циферблат в виде тарелки, по которому двигались нож (стрелка минутная) и вилка (стрелка часовая). В тот день мне виделась какая-то ирония в том, как эти стилизованные столовые приборы отрезали кусочки от дня, час за часом, минута за минутой... пока не показали четверть седьмого и я не обнаружила себя стоящей в комнате перед зеркальной дверцей шкафа. Щеки у меня горели, руки лихорадочно убрали рассыпавшиеся волосы в косу, и на мне был мой лучший наряд – комбинезон из шелка цвета аметиста. Пытаясь накраситься, я больно ткнула себе щеточкой от туши в глаз и едва проморгалась.

Вряд ли я осознавала, что делаю. Меня толкало не желание поближе познакомиться с человеком, встретившим на рынке девушку и пригласившим ее на свидание, но даже не любопытством узнать ее имя, – я с трудом могла вспомнить, как он выглядел. Мне запомнился только мятый белый пиджак и кривоватая улыбка твердого рта. Да, и еще серые глаза, – может быть, я даже не узнаю его в толпе, которая всегда толчется в погожие вечера у фонтана. В общем, не интерес к незнакомцу руководил мной, не любопытство толкало сходить на спонтанное и незапланированное свидание, но немотивированное внутреннее «надо», острое и жгучее, как жажда, желание.

Напрасно я думала, что не узнаю его. В толпе у фонтана он выглядел, как орел посреди курятника. Некоторое время я рассматривала его из-за угла, как уличный воришка рассматривает намеченную жертву. От моего внимания не укрылись две модельного вида девицы, со скучающим видом профланировавшие мимо моего кавалера – раз, и второй, и третий. Девицы были чрезвычайно хороши собой, каждая стройней меня в два раза, и незнакомец рассмотрел их с удовольствием, а потом вдруг тронулся с места. Я решила, конечно, что ему надоело меня ждать и он уходит, а значит, можно будет уйти и мне – домой, к учебнику химии, к сковородкам и противням, к дурацким кухонным часам, которые будут отрезать время моей единственной и неповторимой жизни, секунду за секундой, час за часом, день за днем.

– Вам не надоело прятаться?

Я отпрянула. Он стоял прямо передо мной, и глаза его смеялись.

– Может быть, уже пойдем? Или вы не голодны? Наелись этого ужасного вафельного полотенца? Тогда можем еще поиграть в прятки. Я уйду обратно за угол, а вы выглядывайте и кричите «ку-ку».

Вообще, как я полагала в душе, мне следовало принять вид отстраненный и независимый и немедленно поставить шутника на место. Но он так уморительно вытянул губы трубочкой, когда говорил свое «ку-ку», и вообще так забавно застучал меня за подглядыванием, что я не выдержала и расхохоталась. А у меня с детства так было – я очень сильно смеюсь, если меня рассмешить: громко, самозабвенно, у меня даже колени подгибаются. Совершенно неприлично для девушки, но что с этим поделать? Характер не перекроишь. И вот пока я хохотала, он так на меня смотрел... Как будто я преподнесла ему неожиданный подарок.

– Идемте, – сказал он, когда я отсмеялась, и взял меня под локоть. – Тут недалеко ресторан «Морской оркестр». Бывали там?

– Нет пока.

– И очень напрасно. Там вкусно готовят. Такой ценительнице высокой кухни это будет интересно. Кстати, я целый день представлял себе, как вы стоите у плиты в этом вашем смешном платице.

По его лицу нельзя было понять, серьезен он или шутит.

– Зря вы переделались, оно вам очень шло. Вы в нем были как школьница.

«А я и есть школьница», – собиралась ляпнуть я, но промолчала, к счастью.

– Такие славные васильки... Хотел купить вам васильков, но их не продают. Только голландские розы. Странно приходиться в ресторан с букетом голландских роз. У них такие огромные колючие стебли.

– Васильки летом цветут, – объяснила я ему.

– И все-то ты знаешь, Душенька... Так тебе нравятся розы?

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – удивилась я.

– Та хитрющая торговка назвала тебя по имени. А меня зовут Олег. И, будь добра, обращайся ко мне на «ты», а то я чувствую себя как папочка, выгуливающий дочку в перерывах между двумя ее экзаменами.

И опять он почти угадал, и опять я промолчала.

Ресторан «Морской оркестр» представлял собой заведение в некотором роде уникальное – во всяком случае, в том городе и в те времена. Его открыл какой-то идеалист, в силу своей наивности полагавший, что провинциальный город нуждается в ресторане не просто с хорошей, но даже некоторым образом утонченной кухней. Наверное, он мечтал, что менеджеры среднего звена и частные предприниматели устремятся в ресторан, плененные фламбе из фуа-гра с брусничным желе и спаржей с соусом муслин, а их длинноногие спутницы будут лакомиться саваренами с клубникой и десертом «Сен-жермен» из глазированных каштанов. И все они станут наслаждаться маринистическими полотнами на стенах, пастельными оттенками интерьера, тихой музыкой, уютными креслами и покоем.

Увы, хозяин «Морского оркестра» попал пальцем в небо. Из еды провинциальные менеджеры и предприниматели больше всего уважали пельмени под ледяную водочку, поданное им фуа-гра могли даже счесть за оскорбление – порция, мол, что-то маловата, за такие-то деньжищи! Тонких вкусов не признавали, интерьеров не ценили, из музыки в основном уважали певца Трофима, а девы с удовольствием отплясывали под Верку Сердючку. Так что в ресторане не бывало аншлагов, и посещали его такие же, как его хозяин, мечтатели, идеалисты, художники – ну, или люди, желающие таковыми выглядеть.

Надо ли говорить, что мне там очень понравилось? Я смущалась строгого официанта в длинном белом переднике и не знала половины перечисленных в меню блюд – я-то, штудирующая все кулинарные книги, какие попадали в мои руки! А уж карта вин была для меня китайской грамотой.

– О, смотри, тут есть артишоки!

– Тебе нравятся артишоки?

– Не знаю. Я никогда их не пробовала.

– Тогда давай, я закажу тебе. Но больше ничего не проси. Посмотрим, как ты будешь смотреть, как я поедаю кролика по-бургундски...

– Дежурное блюдо сегодня – каре ягненка в прованских травах, – деликатно хмыкнув, заметил официант. – Кролика тоже можно будет...

– Несите каре. Два.

– Вино ваше обычное?

– Обычное. И артишоки, как мы без них. Между прочим, Душенька, поосторожнее с ними. Я слышал, что артишоки – сильный афродизиак. В Средние века их запрещалось есть женщинам, чтобы семейный очаг остался неоскверненным...

Я не знала, что такое афродизиак, но смысл поняла.

– А еще я слышал древнегреческую легенду, – продолжал балагурить Олег, – что первым артишоком стала пышнотелая молодая девушка по имени Кинара. Она жила на острове Зинари, и однажды Зевс, будучи в гостях у своего брата Посейдона, увидел, как Кинара

гуляет по острову. Боясь ее испугнуть, Зевс долго наблюдал за прелестной толстушкой с моря. Но Кинара заметила его и нисколько не испугалась присутствия бога – она была очень веселой и храброй. Зевс, как и все древнегреческие боги, был парень не промах, решил воспользоваться этой возможностью и соблазнил Кинару. Он настолько был очарован своей новой подружкой, что предложил ей стать богиней и жить рядом с ним на Олимпе. Кинара согласилась, и всякий раз, когда его жены Геры не было рядом, Зевс, как влюбленный мальчишка, спешил на свидания с Кинарой. Но вскоре ревнивая и строгая Гера узнала об измене, подстерегла Кинару и столкнула ее с Олимпа. Пышнотелая красotka упала и, ударившись о землю, превратилась в артишок. Вот что говорит нам прекрасная легенда. Так выпьем же за то, чтобы...

– Нет такой легенды, – засмеялась я. – У меня был сборник легенд Древней Греции Куна, я такой не помню.

– Есть-есть, Душенька! А рассказал мне ее сам Квинт Гораций Флакк, помнится, перед битвой у мыса Палинур. А рядом в это время еще Гай Цильний Меценат полулежал, такой почтенный, в пурпурном фаросе. И ели мы тогда артишоки в оливковом масле, козий сыр и пили чудесное фалернское вино, такое густое, что его можно было резать ножом.

– Фалернское нужно разбавлять медом или хиосским вином, – негромко сказал бесшумно появившийся рядом официант.

У меня голова пошла кругом.

Артишоки были приготовлены по-провансальски – обжарены в сухарях. Кисловатое вино пощипывало язык. Ягненок таял во рту, обольстительно нежен.

– Древние греки знали толк в жизни: трапеза должна сопровождаться беседой, и наоборот. Тогда два изысканных наслаждения дополняют друг друга.

Я поддерживала беседу, как могла. А могла я плохо. Мне не хватало интеллекта и не доставало практики. С Игорем мы почти не говорили – только о самом обыденном. А вообще он предпочитал целоваться.

Зал «Морского оркестра» постепенно заполнялся людьми. Пару раз с моим спутником поздоровались. Иногда я ловила на себе изучающие, оценивающие взгляды, но я чувствовала их только кожей, потому что не могла отвести глаз от своего спутника.

«Пропала, пропала», – думала я.

* * *

«Пропала, пропала», – думала я в девять часов утра на следующий день, лихорадочно перелистывая страницы учебника химии в школьном коридоре. Домой я попала только около одиннадцати и успела только переодеться в халатик и смыть макияж, а потом, удивляясь собственной способности к наглой лжи, уселась за письменный стол, на котором, позабыт, позаброшен, лежал этот самый учебник, чтоб его черти драли! Маму привез брат через десять минут после моего триумфального возвращения, и она сразу заглянула в мою комнату:

– Все еще занимаешься? Давай-ка ложись. Нужно, чтобы у тебя голова свежая завтра была. Перед смертью не надышишься.

Не надышишься, ох не надышишься, тут мама права! Я обнаруживала все новые и новые провалы в своих познаниях. Собственно, знала-то я почти все билеты, зубрежка сделала свое дело, но вот в своей способности решить задачу я была совершенно не уверена, а задача прилагалась к каждому билету. Оставалось надеяться на сумасшедшую удачу.

И удача была со мной на том экзамене. Отвечавшая передо мной Карина запуталась в химическом эксперименте, что-то смешала неправильно, и из ее реторты повалил удушливый желтый дым. Когда же Светлана Валерьевна попыталась включить допотопную вытяжку, из трубы на пол посыпался сор, птичий помет и несколько голубоватых перышек

– видимо, там свили гнездо вездесущие голуби-сизари. Нарушение техники безопасности было налицо, и Светлане Валерьевне пришлось выводить класс в коридор и проветривать помещение по старинке – путем открывания всех окон нараспашку. Ну, пока она там цацкалась с окнами, я, конечно, успела подсуетиться, и Лешка Егоров мне решил злокозненную задачу, запросив за это шоколадку. Он был отличник и уверял, что мозги у него хорошо варят, потому что он ест много сладкого. Если бы дело обстояло именно так, я бы давно была профессором и академиком...

Дело того стоило – за то, чтобы поглядеть, как Светлана Валерьевна удивится сделанной мной задаче, я бы не то что шоколадку, я бы целую кондитерскую фабрику отдала. Она крутила листочек с решением и так и сяк, едва ли не на зуб его пробовала, потребовала, чтобы я повторила решение на доске – видимо, чувствовала подвох. Но другая экзаменаторша, старенькая и добрая учительница физики, только махнула на нее рукой, подмигнула мне и поставила отличную оценку.

Я выбежала из школы галопом, словно боялась, что Светлана Валерьевна погонится за мной, чтобы задать еще какой-нибудь немыслимый вопрос. Вприпрыжку пронеслась по аллее – со стороны это, должно быть, выглядело смешно: такая корпулентная девица скачет, как молодая лошадка, трясая всеми своими прелестями. Но я не хотела думать, как это выглядело со стороны, ведь в конце аллеи я заметила знакомую фигуру. Это был Игорь, и он шел, вероятно, для того, чтобы встретить меня с последнего экзамена, как до этого встречал с предыдущих. Я бросилась ему навстречу, ожидая привычных объятий, но когда между нами оставалось шага три, не больше, я снизила темп. Меня смутила перемена, произошедшая в его лице – оно казалось потемневшим, как небо перед грозой. Я хотела сказать что-нибудь, но вдруг Игорь ударил меня по лицу ладонью. Он размахнулся несильно, так что мне было почти не больно, но очень обидно.

– С ума сошел? – сказала я, держась за щеку. Я не чувствовала за собой никакой вины, а даже если бы чувствовала, то не признала бы за Игорем права бить себя. Оставалось только надеяться, что дело разъяснится каким-нибудь необычайным образом – например, на щеке у меня сидел особо опасный комар, переносящий малярию, холеру и бубонную чуму разом, и Игорь убил его этой пощечиной...

Ну конечно же, никакого комара не было. Игорь схватил меня за плечи и тряхнул так, что у меня зубы щелкнули.

– Ты думаешь, я не знаю ничего? Какая же ты дрянь, оказывается! Строишь из себя целку-невидимку, а сама шляешься с мужиками по ресторанам? Что, богатенького хахаля себе нашла, толстая шлюха?

Он еще что-то говорил, но больше мне не хотелось его слушать. Я высвободилась из его рук, сама удивившись, как нетрудно мне это далось – все-таки я большая и сильная девочка. Одной рукой я взяла его за воротник рубашки, а другой за ремень джинсов, легко приподняла, как котенка за шкурку, и бросила в заросли шиповника, обрамлявшие аллею. Раздался страшный треск, Игорь закричал и заматерился. Я не стала ждать, когда он выберется из колючих кустов, и поспешно удалилась.

Повторюсь – я не чувствовала за собой вины.

Да, я была в ресторане. Да, с мужчиной. Но что в этом плохого? Неужели, съев артишоки по-провансальски и посмеявшись над шутками Олега, я одним махом попала в разряд падших женщин, которых можно без зазрения совести обзывать последними словами и бить по щекам? Ведь нет? Значит, Игорь был неправ. И я ему на это указала теми методами, которые он выбрал для нашего общения сам.

Все же на душе у меня было нехорошо. Я пришла домой, мама обрадовалась моей пятерке, усадила за стол, поставила приборы, села против меня и только тогда сказала как бы вскользь:

– Ты с Игорем встретила? Он час назад прибежал. Какой-то взвинченный. Где она, кричит, где. Я ему сказала: в школе, где ж ей еще быть. А он мне: вот и я так думал. И убежал. Дуся, чего случилось-то? Поссорились?

– Расстались, – ответила я маме, решив, что врать нет смысла. – Слишком он много командовать начал.

Я думала, она охнет и схватится за сердце. Маме нравился Игорь, она была не против нашей дружбы... Но она только энергично кивнула:

– И правильно! Рано тебе себя пока свободы лишать из-за первого попавшегося мальчишки. Закабалиться-то успеешь. Ну, давай я тебе положу. Рубец-то твой вчера так мы и не попробовали.

Да, маме удалось меня удивить. Но одна мысль не давала мне покоя – как Игорь узнал, что я была в ресторане? С одной стороны, глупо было ломать над этим голову – ведь я, отправляясь на свидание, не особенно-то и пряталась. А с другой – он живет в двух автобусных остановках от меня, и в этот день должен был дома готовиться к экзаменам. Нас видел кто-то из общих знакомых? Моих или его одноклассников? Но кто так оперативно наябедничал?

И только ночью я поняла, кто это был. Конечно, в «Морском оркестре» я была увлечена и едой, и собеседником, поэтому не очень-то смотрела по сторонам, но все же ощутила на себе неприятно-пристальный взгляд смутно знакомых глаз.

«Она дочь знакомого моего отца. Студентка. У меня с ней ничего нет».

Черноволосая, яркогубая автоледи на «Фольксвагене»! Пожалуй, мне стоило бы быть благодарной ей. Разве она не оказала мне услугу? Увидела в ресторане счастливую соперницу, быстро позвонила Игорю, наплела с три короба, завела его как следует и стала ждать результата.

И она его получила.

А я... я получила Олега.

Конечно, не совсем. Не всецело. Не так, как бы мне хотелось.

Но и то, что доставалось на мою долю, было так прекрасно, так нежно, так грело душу и волновало плоть, что мне этого хватало.

Я отдалась ему во вторую нашу встречу. Он приехал за мной на машине, повез за город, собирать ландыши. Машина у него была красная. Меня преследовали красные машины.

– Как называется твой автомобиль? – спросила я.

– Гаруда, – ответил Олег.

– Нет такой марки.

– Это не марка. Это имя собственное.

Никаких ландышей мы не нашли. Судя по торчащим там и сям ландышевым листочкам, здесь прошли охотники за дарами природы – те, что продают потом туго связанные суровыми нитками хрупкие букетики.

Зато мы нашли друг друга.

Я удивилась – не могу сказать, что часами размышляла об этом, но вот уж никак не ожидала, что не все мужчины одинаковые. У меня не было душевной подруги, с которой я могла бы обсудить детали... В общем, я была несколько не готова к возможностям Олега и в первый раз, вероятно, высказала свое изумление слишком откровенно. Но ему это даже польстило.

А в общем, все произошло как-то слишком быстро, да и вряд ли могло быть иначе в лесу, где то и дело могли показаться посторонние, а вездесущие комары и муравьи готовы были в любой момент вцепиться любовникам в обнаженные части тела. В машине же нам разместиться не позволяли мои габариты – проблематично было соединиться с желаемой

отдачей, да и мне вовсе не улыбалось намертво застрять между сиденьями и стать посмешищем для команды спасателей...

На третье свидание Олег повез меня в придорожный ресторан, где якобы для проезжих дальнбойщиков жарили и подавали какие-то необыкновенные шашлыки.

Но шашлыки оказались самые ординарные – подсохшие кусочки темного мяса на картонных тарелках, обильно политые острым соусом. У нашего визита в ресторан «Дальнбойщик» была другая причина – номера, которые сдавались на втором этаже, над рестораном.

– У тебя паспорт есть? – шепотом спросил меня Олег.

– Нет, – ответила я.

– И у меня. Но ничего, я все улажу. Надеюсь, они не примут тебя за несовершеннолетнюю.

У меня загорелись щеки, но Олег уже ушел договариваться с хозяином.

Выделенные нам апартаменты были ужасны. В крошечном тамбуре я сразу услышала звук ворчащего сливного бачка – дверь в совмещенный санузел была распахнута, оттуда невыносимо несло хлоркой. Унитаз был засыпан ею едва не до краев. Над эмалированным корытом изгибался ржавый шланг душа. Комната была обставлена с претензией даже на роскошь. В углу красовался фикус – впрочем, искусственный. На стене висела картина – обнаженная девушка страстно обнимала льва. Мордой лев смахивал на писателя Тургенева. Огромная кровать была застелена красным плюшевым покрывалом, такие же накидки красовались на креслах. Пахло застоявшимся табаком, пролитым алкоголем и пылью. Я стояла, не решаясь сесть. Олег тоже, видимо, чувствовал себя неудобно.

– Семейная гостиница, – пробормотал он под нос и щелкнул пальцем по живописному полотну. – Варварская роскошь.

От его щелчка из-под картины выбежал крупный коричневый таракан и понесся, виляя, по обоям.

– Давай-ка и мы, Душенька, последуем его примеру и убежим отсюда...

– Прости, что привез тебя сюда, – сказал Олег, когда мы уже отъехали от гостиницы. – Понимаешь, объявление прочитал. Семейная гостиница, домашний уют, полная конфиденциальность...

Я промолчала. Мне вдруг многое стало понятно. Конфиденциальность – это ведь когда пытаются что-то скрыть? Ну или как-то так.

– Ты женат? – спросила я наобум.

Он помолчал, а потом ответил:

– Все сложно.

...Если у меня когда-нибудь родится дочь, я научу ее бежать от мужчины, который говорит, что, мол, «все сложно». Никогда, скажу я ей, никогда, дорогая, не участвуй в «сложных» отношениях. Ни на каких условиях, ни в какой роли! «Да ладно, мам», – вот что она мне скажет и убежит на свидание. Чужой опыт никому не нужен, особенно если ты влюблен. К тому же принято считать, что от любви глупеют. Должна сказать, меня это не коснулось. От любви я поумнела и стала замечать вещи, раньше мне недоступные.

Итак, у моего возлюбленного была невеста, девушка, постоянная партнерша, подруга – называйте это, как хотите. По крупинке собирая информацию о ней, я составила для себя образ этой особы и уяснила стиль их отношений с Олегом.

Или мне казалось, что уяснила.

«Та, другая» была, казалось мне, натурой рассудочной и холодной. Она не одобряла юмора Олега и не смеялась его шуткам – именно поэтому он с таким удивлением и восторгом смотрел на меня, когда я закатывалась своим фирменным смехом. Она не одобряла также пустого балагурства, обрывая его резким: «Не паясничай!»

Эту фразу я где-то услышала, может быть, в фильме, и сразу же приписала ее «той, другой».

Она следила за фигурой, в ресторане заказывала минеральную воду без газа и зеленый салат, в кулинарии не разбиралась, готовить не любила или не умела. Это, впрочем, были уже не мои догадки.

Дело в том, что Олег после приключения с «семейной гостиницей» все-таки сдался и привез меня в свой дом.

Я до сих пор не знала людей, которые бы жили в собственном доме. Насмотревшись сериалов, я представляла себе настоящий дворец – зал с камином, кровать с балдахином, золоченные диваны и прочую гламурную пошлятину.

Но дом Олега оказался очень скромным. Это был не дворец, а коттедж в поселке, где гнездились такие же, как он, бизнесмены средней руки. Впрочем, камин все-таки был. Идеальная чистота подсказала мне, что в доме есть прислуга. Действительно, у Олега была домоправительница, пожилая и добродушная татарка Альфия.

В нашу первую встречу она приняла меня, что называется, в штыки – не выказывая, разумеется, на словах никакой неприязни, она исподтишка бросала на меня такие выразительные взгляды, что я чувствовала себя хуже, чем в приюте для дальнобойщиков и их случайных подруг. Я чувствовала себя крайне неловко и обрадовалась, когда Олег отпустил ее. Она ушла, ворча и оглядываясь. Альфия жила во флигеле.

– Пойдем, я покажу тебе библиотеку, – сказал Олег, когда за домоправительницей закрылась дверь.

Впоследствии для нас это стало эвфемизмом, обозначающим любовную близость: «заглянуть в библиотеку». Я сразу поняла, что он не хочет вести меня в спальню, где занимается сексом с «той, другой». Но я не обиделась и не рассердилась. Я была слишком влюблена и слишком хотела его. Каждое его прикосновение было для меня как глоток прохладной воды в жаркий день.

Мы занимались любовью на широком кожаном диване, среди стеллажей. От влаги, которую источали наши тела, диван вскоре стал скользким. Тогда мы перебрались на ковер и продолжили там. Вечером, когда я мылась в ванне, я обнаружила, что мои колени стерты до крови, и вспомнила, как Олег шептал мне со смешком:

– Сделаем епископа?

– Что это значит?

– Это значит, что ты должна быть сверху.

– А при чем тут епископ?

– Так говорили в Средневековье. Тогда считалось, что ребенок, зачатый таким образом, имеет шанс стать епископом.

Впрочем, будущему епископу пришлось бы очень постараться, чтобы родиться. Олег взял вопрос предохранения на себя и выуживал радужные конвертики из воздуха, как фокусник. Он был неутомим и изобретателен в любовной игре, и это дало мне основания предположить, что «та, другая» не очень-то баловала его ласками.

Я даже не знала ее имени. Впрочем, оно мне было не нужно. Кстати, в библиотеке, на массивном письменном столе (разумеется, его мы тоже освоили как территорию для любви), я заметила странную пустоту среди фотографий в рамках. Инстинкт подсказал мне, что тут стояла фотография моей соперницы, но Олег предусмотрительно спрятал ее перед моим приходом. Любопытство не оставляло меня. Я догадывалась, что снимок лежит в одном из ящиков стола, но ни за что не посмела бы открыть и посмотреть.

А напрасно. Быть может, маленькое зло избавило бы меня от зла неизмеримо большего... А так спрятанный снимок стал для меня ночным кошмаром. Мне снилось, что я тяну за медную ручку, что ящик выдвигается с тихим скрипом, и я вижу снимок, но на нем

нет человеческого лица, только клубится какая-то черная, отвратительного вида масса. С криком я просыпалась, садилась на постели. Сердце колотилось, опережая тиканье часов. Дурной сон, вызванный, без сомнения, муками нечистой совести, довел меня до того, что я стала бояться своей соперницы. Косвенным образом мои опасения подтвердила Альфия. Сердце суровой домработницы Олега я завоевала тем, что попросила ее научить меня готовить губадию.

Губадия – круглый татарский пирог со сложной начинкой, необыкновенно вкусный. Альфия рассказала мне, что когда-то татары пекли губадии только в дни торжеств, а теперь можно хоть каждый день, пожалуйста. Только не так это легко, как кажется. Секрет пирога состоит в том, что начинка не смешивается, а лежит как бы слоями, и слои должны гармонично сочетаться друг с другом не только по цвету, но и по вкусу. А начинкой должен служить сушеный творог, по-татарски корт, вареный рассыпчатый рис, жареный фарш, пассерованный лук, распаренный изюм, курага, чернослив...

– Тесто делай, какое хочешь, хочешь – дрожжевое, хочешь – пресное. Главное, маслица побольше, лей, не жалея. Раскатай тесто и положи его на масленую сковороду, и сверху подмасль. Теперь клади рис. Корт нижним слоем класть нельзя, от него тесто отсыреет. Так, теперь вот корт. Снова рис. А теперь мясо, и снова рис, только слой риса в три раза тоньше мяса должен быть. Потом идет яйцо крутое, мелко нарубленное, еще раз рис, и сверху – курагу, чернослив, изюм. А теперь, если хочешь, чтобы губадия получилась, как на Курбан-Байрам, – полей сверху топленным маслом, да не жалея, чтобы вся начинка пропиталась, чтобы если пальцем нажать – масло так и брызнуло бы! И сверху слой теста тоненький, краешки защипай, надрежь зубчиками. Ну и маслицем сверху смажь, даже и простую кашу-то маслом не испортишь, а уж губадию и подавно. И в печку ее на час. Не получится? Почему так говоришь? Если все сделала, как я сказала, обязательно получится!

Конечно, губадия получилась. Это было нечто воздушное, ароматное, сочащееся горячим маслом, сдобное и рассыпчатое одновременно.

– Нравится? – торжествовала Альфия. – Ну, то-то. А та-то, злыдня, ишь какая, воротится. Жирно ей, мол!

Она спохватилась, что сказала лишнее, и поджала свои пухлые губы. Но я уже успела понять, что Альфия недолюбливает «ту, другую».

Олег с удовольствием съел приготовленное мною татарское кушанье и блаженно вздохнул:

– Кухня высокого полета, почти профессиональная. Неужели тебя так в кулинарном училище научили готовить?

– Нет, что ты, – засмеялась я.

Тут мне надо кое в чем признаться. Я обманула своего возлюбленного, сказав, что учусь в кулинарном училище. На самом деле я только-только отнесла туда документы. Он принимал на веру меня, мои женские стати и взрослое лицо и даже не догадывался, что перед ним девчонка, вчера со школьной скамьи. Олег не спрашивал меня о возрасте, потому что женщину о возрасте спрашивать неприлично, и он это хорошо знал.

Мы устраивали загородные прогулки, бывали в театрах и ресторанах. Планировали съездить на Гаруде к морю, но потом этот проект как-то заглох – я не стала интересоваться, почему. Олег подарил мне большого плюшевого кота, у которого были печальные голубые глаза, и цепочку с подвеской. Он сам надел на меня цепочку, долго возился с тугим замочком. Я чувствовала его дыхание на своей шее, на волосах и изнывала от нетерпения.

– Стой спокойно, что ты, как норовистая лошадка, топчешься?

Наконец он справился с замком, и тогда мы стали целоваться так, что нам скоро перестало хватать воздуха...

– Ты даже не взглянула на подарок, – сказал он, когда мы наконец разъяли губы.

Я посмотрела в зеркало – остро, льдисто сверкнул прозрачный камешек на подвеске.
– Очень красиво, – сказала я и снова потянулась к Олегу.

Дома собралась родня – мама, брат с женой. Дана теперь чувствовала себя лучше, хотя ходила, переваливаясь, как утка, и пристрастилась к мелу, который даже украдкой слизывала со стен. Дорогой кальций в специальных таблетках для беременных чем-то не устраивал мою будущую племянницу. Именно Дана первой заметила мое украшение – я даже не додумалась спрятать подвеску под платье.

– Это что? Неужели лучший друг девушек? – произнесла она нараспев, и ее подпухшие глазки сузились словно для того, чтобы лучше рассмотреть камешек?

– Да это так... – отмахнулась я, запоздало опуская подвеску в вырез платья. Она так уютно улеглась в ложбинке.

– Дунечка, покажи! – взвизгнула Дана и неуклюже пошла на меня. – Ну, покажи же, чего ты боишься? Милый, ты посмотри, какой у этой девчонки бриллиантище! А ты мне никогда даже вот таку-у-усенького не подарил!

Вот не стоило ей привлекать внимание брата и мамы. Ну, посмотрела сама, но чего горлопанить-то? Я даже не предполагала, что сверкающий камешек окажется бриллиантом, для меня бриллианты еще были аксессуаром фантастического мира роскоши или частью детских сказок о прекрасных принцессах. Мама смотрела на меня так, словно не совсем узнавала, брат, напротив, смущенно глядел в сторону и барабанил пальцами по столу так, что звенели, соприкасаясь краями, тонкие фужеры чешского стекла. Их мама берегла и доставала только по большим праздникам... Дана прижала меня к стенке своим выкатившимся животом, не драться же мне было со своей беременной снохой?

– Не меньше двух каратов! – тоном знатока произнесла Дана, рассматривая согревшийся от моего тела бриллиант.

Естественно, она попала пальцем в небо – как я потом узнала, в камешке было всего 0,33 карата.

– Дорогой подарок, – взяла себя в руки моя бедная мама. – Наберись терпения, Даночка. В честь рождения ребенка тебя наверняка ждет подарок.

И подмигнула брату. Но глаза у нее были невеселые. И Дана смотрела на меня мрачно. Много, ох как много прочитала я у нее на лице – особенно насчет юных свистулек, с этих лет получающих в подарок «двухкаратные» бриллианты.

Скандал в благородном семействе удалось замять, и мы отпраздновали мой день рождения тихо и мирно, как много лет подряд. Но глубоким вечером, когда мы в четыре руки мыли посуду, мама тихонько сказала мне:

– Пойми меня правильно, дочка. Я тебя не осуждаю. Ты молода, когда же тебе и пожить, как не сейчас? Ты видишь, я тебя ни о чем не спрашиваю. Я знаю, что ты разумный человек. Но все же мне страшно за тебя, и я прошу тебя быть осторожной. Знаешь, мне снятся такие плохие сны...

Маме всегда снились плохие сны обо мне. То ей снилось, что я тону в реке, то – что меня украли цыгане. В ее снах мне регулярно приходилось попадать под поезд, на операционный стол или в тюрьму. Но на этот раз ей привиделось что-то новенькое.

– Мне снилось, что ты одеваешься к свадьбе. На тебе фата и белое платье, знаешь, такое, на обручах...

– С кринолином, – кивнула я, пытаясь перевести разговор в юмористическую тональность. – Мамуль, это и в самом деле кошмарный сон! В таком наряде я должна быть похожа на самый большой в мире кочан капусты, попавший в Книгу рекордов Гиннесса!

Но она не приняла шутки.

– И вдруг, – продолжала мама, – я вижу, как твое личико все идет пузырями, как-то вздувается, краснеет, потом чернеет, и на месте его – какая-то темная масса копошится...

– Мама, хватит, – завопила я, смеясь, хотя мне было вовсе не смешно. – Это какой-то кошмар на улице Вязов! Тебе нужно перестать смотреть телевизор перед сном. Смотри передачу «Спокойной ночи, малыши!», ладно?

– Кстати, о малышах. Ты поедешь завтра со мной в «Ханой»? Надо купить Данке халатик, рубашку, тапочки.

– Она не хочет тапочки, она хочет бриллианты! – теперь уже вполне искренне развеселилась я.

Мама шутя брызнула мне в лицо водой.

– Дурочка, это ей для родильного дома. Так едешь?

– Конечно, поехали.

Глава 3

ПРОЩАНИЕ С ГАРУДОЙ

«Ханой» – так назывался в нашем городе дешевый вещевой рынок, где в любой сезон можно было одеться с головы до ног почти за любые деньги. А почему его называли так, а, скажем, не «Бишкек», или «Пекин», или «Бандар-Сери-Багаван» – я не знаю. Вьетнамских торговцев здесь было не больше, чем всех прочих. А вообще, «Ханой» правильнее было бы назвать «Вавилоном», такое здесь царило диковинное смешение рас, обычаев, языков, мод, стилей...

Девчушки, щебеча, примеряют разноцветные маечки, густо усыпанные блестками, продавщица следит за ними неусыпным взором. Женщины постарше охотно примеряют трикотажные костюмы. Ничего, что на них изображены мордочки мышей и собак с узкими китайскими глазками, сойдет – дома ходить, на дачу ездить. Только какая-то эстетка возмущается:

– Не пойму, к чему тут мышь! Ну пусть бы хотя бы кошечка, а то – мышь. Самая что ни на есть вредная тварь.

– Купите с собачкой, собачка полезное животное, – доброжелательно реагирует чернявая, как галка, продавщица.

И пусть после первой же стирки костюмчик полиняет и станет никуда не годной тряпкой, небось невелики затраты, купим новый.

Для сильного пола тут найдутся и спортивные штаны, и куртки из кожи неизвестного зверя, и глянцево сверкающие остроносые ботинки – что еще надо для счастья провинциальному моднику? Спортивный костюм «Abibas», кроссовки «Рута», в одной только буквке разница, а сколько счастья людям.

Одежки всех фасонов и стилей, на любой вкус, на любой кошелек. Туфли с прямоугольными носами были в фаворе два года назад, все о них уж и думать забыли, но «Ханой» цепко держится за добытое – вот они, носы-булыжники, торчат из картонного ящика. Сваленные в неряшливую кучу, запылившиеся, уцененные до невозможности, они все же будут нужны кому-то нетребовательному, не гонящемуся за веяниями капризной моды. Модели поновей висят прямо на стенах павильонов, приколотые к ним, как бабочки в коллекции. Без каблучков, с каблучками, с бантиками, пуговками, со сверкающими пряжками. Галантные торговцы встают перед клиентками на одно колено, привычно ловко застегивают тугие замочки.

– Ножка-то, а? Радуетесь? Да ты походи, походи!

А вот пуховики. Что за дикие масти! Ярко-зеленый, ядовито-лиловый и того непередаваемого цвета, который я в детстве называла «бурдовым». Из швов тут и там торчат жесткие пеньки перьев, пух сваливается вниз, как в мешок.

– Экое чудо в перьях! – смеется покупатель.

Но продавца это не смущает, он берет куртчонку за фалды и встряхивает, показывает, объясняет:

– Днем оно и правда вниз валится. Вы как домой вечером придете – вверх ногами пуховичок-то повесьте. За ночь пух в плечики пересыпется, вот и выйдет раз на раз. Это все понимать надо. А что ж вы хотели за такие-то деньги?

Покупатель хотел, разумеется, сбавить цену, и начинается торг, бессмысленный и беспощадный. Особому любителю поторговаться удастся сбить цену почти вдвое, и это еще слишком дорого за такой полупердончик!

– Только что не сезон сейчас, по прошлогодней цене отдаю, – машет рукой продавец. – По своей цене, ни гроша не нажил!

А сам рад. И покупатель рад, мнит себя необыкновенно хитрым и сметливым человеком.

Гордые в «Ханой» не ходят, застенчивые тоже – тут принято примерять обновки прямо у прилавков, редкий торговец прикроет покупателя кокетливой цветастой шторкой. Девушки джинсы натягивают сначала под юбку, потом юбку снимают и любуются собой в осколок зеркала. А мужчины, не стесняясь, стягивают штаны и встают на предложенную картоночку худыми волосатыми ногами, сверкая застиранными семейными трусами.

Кстати, белье в «Ханое» тоже необыкновенное, нигде такого нет. Корпулентные дамы примеряют лифчики прямо поверх блузок, сопя, застегивают на животе крючки, потом переворачивают кружевную сбруйку и пристраивают арбузные груди в чашки – да это целые миски, а не чашки! Варварская роскошь дамских панталон, дикарская вульгарность бикини, красное и черное, нейлон и капрон. Вот полощется на ветру, как знамя «Ханоя», белый прозрачный пеньюар из скользкого псевдошелка, отделанный жесткими синтетическими кружевами – аж хрустят. Одевание невесты в брачную ночь, и к нему еще домашние туфли в стиле тысячи и одной ночи, голубые и красные, расписанные серебром и золотом, отороченные пушистыми помпонами, с загнутыми носами. О эта роскошь бедняков! А халаты, расписанные розами, похожими на капусту? Эти нравятся юным девушкам, матроны же выбирают себе махровые и велюровые. Халатами торгуют казахи, их это товар, привычный и милый. В «Ханое» казахов целый клан. Я немного знаю одну из них, девушку по имени Меруерт, она училась со мной в одной школе. Ее имя значит «жемчужина». Она и в самом деле очень красива. Несмотря на то что ее лицо покрыто загаром, несмотря на то что черные косы растрепались и запылились. Черные глаза Меруерт горят, горит на безымянном пальце толстое золотое кольцо – года три назад она вышла замуж за Ли, такого же красивого, как она, высокого китайца. Они познакомились здесь же, на рынке, и здесь же теперь бегают дитя их любви, такое чумазое, что невозможно понять, мальчик это или девочка и на кого похоже. Ребенка привечают и угощают у всех палаток, там ему перепадает конфета, там – колесико копченой колбасы. Так и живет на подножном корму.

А еда в «Ханое» вся необыкновенная! Там – ларек с корейскими салатами, острыми-преострыми, издали заметишь бадью с оранжевой морковкой. Там – готовят плов, душно пахнет старой бараниной. А в третьем углу жарят в раскаленном масле беляши, похожие на стоптанные ботинки, но такие ароматные! И повсюду шмыгают офени с лотками, кричат сорванными голосами.

– Чай, кофе, киселек! Чай, кофе, киселек! – мелко выкрикивает один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.